

ДЕЛО ВЕЛИ ИБРАИМОВА И ДРУГИХ

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ,
РЕЧИ ГОСУДАРСТВЕННОГО
И ОБЩЕСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЕЙ,
ПРИГОВОР

КРЫМГОСИЗДАТ

1928

Напечатано в 1-й Гостиполито-
графии „Крымполиграфтреста“
в Симферополе в количестве
2000 экз. Зак. № 3247. Крым-
лит № 1257.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящей брошюре мы помещаем основной материал по делу Вели Ибраимова и его печальных соратников.

Процесс над В. Ибраимовым и другими всколыхнул все без исключения народы Крыма и в первую очередь рабочих, батраков, бедняков и середняков,

Это видно по тому бесчисленному потоку резолюций рабочих и крестьянских собраний. Это видно и из огромного роста тиража наших газет за дни судебного разбирательства.

Этот интерес вполне понятен и законен. Ибо на скамье подсудимых не случайный человек, не „простой смертный“, а бывший председатель КрымЦИК'а, глава Советской власти, поставленный для защиты их интересов.

Когда освободился Крым от белогвардейского хомута, когда нечеловеческими усилиями Советская власть стала спасать миллионы людей от ужасов голода, когда нужны были гигантские усилия, чтобы залечить раны измученной и исковерканной страны,—из горных ущелий, из бандитских нор стали вылезать притаившиеся на время герои контр-разведок, властители обреза и нагаек, тихую сапой, под шумок лезли они в молодой организм Советской власти, неся с собой микробы заразы.

Они—все эти Хайсеровы и его соподвижники—лезли к груди трудового народа, чтобы сосать его кровь, чтобы грабить и убивать, воровать и душить.

И всей этой шайке покровительствовал и помогал председатель КрымЦИК'а, глава правительства, Вели Ибраимов, снабжая бандитов—вчерашних контр-разведчиков—деньгами и оружием и собственными руками удушивший бедняка Чолака.

Рабочие и крестьяне, сбросив с себя врангельских палачей, приходили в советские учреждения и снова встречались с ними, со своими врагами. Это он, Вели Ибраимов, привел их с собой, пригрел на советском теле, обманывая Советскую власть, скрывая от нее подлинное лицо своих кровавых сподвижников.

Трудящиеся ожидали, что их представитель, каковым должен бы быть Вели Ибраимов, будет стоять на стороне трудового народа. Они не предполагали, что их представитель так дерзко преступно, так нагло предаст их интересы, обманет их и интересы сотен тысяч рабочих и крестьян, предаст во имя шайки бандитов, во имя личных интересов.

Еще задолго до начала процесса, вскоре после ареста Вели Ибраимова, кулаки и муллы, т. е. как раз те, с представителями которых держал Ибраимов связь, стали пошептывать о том, что судят не убийцу, не предателя, не растратчика, а судят татарина, судят представителя нации. Они пытались кого-то убедить, что процесс носит не политический, а национальный характер. Эта „работа“ нужна была им для националистической агитации. Совершенно понятно, что эта контр-революционная агитация никакого успеха не имела и иметь не могла. Ибо все трудящиеся прекрасно знают цену этой агитации. Посеять рознь и грызню между трудящимися разных национальностей, добиться права вновь эксплуатировать и издеваться над людьми— вот цель этой погромной агитации.

Только негодяй, желающий разорвать великий союз трудящихся всех национальностей и толкнуть рабочих и крестьян в объятия слепой и дикой национальной вражды, может говорить о национальном характере процесса. Лучшую отповедь этим громилам дали сами рабочие и крестьяне.

— Это сидит предатель,—говорили они,—связавшийся с бандой бывших контр-разведчиков, это сидит убийца бедняка-крестьянина Чолака, это сидит растратчик народных денег. Он предал наши интересы, он забыл, кто его посадил на должность председателя КрымЦИК'а.

Политика Советской власти ясна для каждого, кто имеет уши, чтобы слышать, и глаза, чтобы видеть.

Октябрьская революция освободила все национальности от капиталистического порабощения и предоставила им самим на своей земле строить новую жизнь. Вместе с тем, невзирая на национальность, должность и звание, Советская власть карает каждого, кто творит преступления против власти рабочих и крестьян.

Суд над Краснощековым, суд над работниками Средне-азиатских Водхозуправлений, в том числе над Рыкуновым, старым революционером, имеющим 25-летний революционный стаж, суд над Иркутскими губисполкомцами, наконец, суд и приговор по делу Вели Ибраимова— достаточно ярко характеризуют политику Советской власти.

Партия доверяет людям большое и ответственное дело по руководству хозяйственной и общественной жизнью. Но партия не милует и не гладит по головке, если человек обманул Советскую власть, обманул трудящихся и использовал свое служебное положение в личных интересах или в интересах шайки бандитов. Партия и Советская власть трижды сурово относятся к тем преступникам, которые являются членами партии. Ибо преступник обманул не только Советскую власть, но еще и партию,—ту партию, которая нечеловеческими усилиями добилась победы и в невыносимо трудных условиях осуществляет диктатуру пролетариата.

И никакие чины и звания не спасут от наказания того, кто обманул, кто предал интересы миллионов людей.

Поощрять преступления, скрывать их—это значит собственными руками душить Советскую власть, которая, будучи окружена крова-

вым капиталистическим миром, пользуется каждым днем, чтобы укрепить власть рабочих и крестьян.

А тот, кто, состоя членом партии, творил преступления, подобные ибраимовским, тот враг более опасный, чем самый ярый монархист, ибо он наносит удар в спину, он, как змея, сосет кровь на груди Советской власти.

И один может быть ответ таким изменникам и предателям—это железный сокрушающий удар пролетарской диктатуры.

Подводя итоги процесса, мы должны дать ответ на целый ряд вопросов.

Прежде всего, почему, по какой причине преступник Вели Ибраимов—враг рабочих и крестьян, нацепивший на себя маску защитника трудящихся,—почему он в течение нескольких лет занимал столь ответственную должность. На этот вопрос мы должны дать совершенно ясный ответ. Ибо, если мы не ответим на него, мы обманем и себя, и других. А партия обманывать не умеет. Потому-то наша партия и пользуется огромным влиянием и авторитетом, что она, как бритвой, вскрывает все ошибки и промахи, все язвы и нарывы, как бы ни было от этого больно отдельным ее представителям.

Такое положение, когда во главе КрымЦИК'а в течение ряда лет находился председатель, связанный с бандитскими элементами, покровительствовавший кулачеству и торгашеским элементам и проводивший антисоветские и антипартийные действия, стало возможным благодаря той ненормальной обстановке, в которой находилась Крымская парторганизация в прошлое время, в условиях чрезвычайной национальной пестроты населения, слабости пролетарского ядра и в особенности среди татар и нацмен; недостаточности твердых проверенных и идеологически выдержанных кадров партийных работников из националов и пр.

Борьба группировок, которая имела место в Крыму и на которую обратил в свое время внимание ЦК ВКП (б), не могла не отразиться на деловой работе. Ибо эта борьба затрудняла здоровую критику, могущую выявить наши болезни и недостатки. Она создавала обстановку, при которой всевозможные темные силы под шумок пробирались к власти, используя борьбу группировок для личных целей.

Эта борьба группировок частично отразилась и в ходе процесса над В. Ибраимовым, когда выяснилось, что некоторые работники знали о преступлениях Ибраимова, но скрывали и замалчивали их.

История доказала, что все, кто вольно или невольно поддерживает группировки, дробит силы борящегося пролетариата, тормозит дело социалистического строительства, работает на руку нашим врагам.

Сейчас перед всеми трудящимися и в первую очередь перед партийными и советскими организациями стоят огромной важности задачи, без выполнения которых немыслима творческая, деловая подлинно массовая работа:

1. Надо привлечь к активной непосредственной работе сотни тысяч рабочих, батраков и беднячко-середняцкие слои крестьянства.

Надо направить их усилия в сторону контроля над советскими, кооперативными и др. общественными организациями.

Это необходимо сделать не только для того, чтобы очистить все наши аппараты от чуждых и преступных элементов, но еще и для того, чтобы именно массы, именно сотни тысяч трудящихся, призвать к управлению хозяйством.

Нужно помнить, что без вовлечения масс в практическую работу советов, без ежедневного контроля наших аппаратов, без здоровой критики мы не сможем наладить работу наших советских и др. организаций. Сплотить вокруг них широкие слои беспартийных рабочих, батраков, бедняков и середняков, развернуть работу по организации групп бедноты, чутко прислушиваться к жалобам рабочих и крестьян на недостатки в работе наших аппаратов, немедленно исправлять все промахи, ошибки и предупредить преступления—вот задача дня.

2. Надо с корнем, решительно выкорчевать всякие проявления как великодержавного, так и местного шовинизма, помня, что нет ничего более позорного и вредного, как развитие шовинистических настроений. Нет и не может быть вражды между трудящимися всех без исключения национальностей. У них у всех один враг—это враг власти рабочих и крестьян.

3. Надобно провести развернутым фронтом работу по воспитанию молодых членов партии в строго-классовом духе. Привить каждому любовь к трудящемуся человеку, научить уважать труд рабочего, бедняка и середняка, уметь помочь ему в его труде, привить ненависть и отвращение к эксплуататорам и тунеядцам, подхалимам и бездельникам,—вот что нужно сделать для того, чтобы молодежь вышла на борьбу готовой и крепкой для строительства социалистического хозяйства.

Проведение в жизнь этих мероприятий обеспечит нормальное, здоровое развитие всей нашей общественной и хозяйственной жизни и подорвет всякие корни ибраимовщины.

Обвинительное заключение

В 1924 году на пост председателя Центрального Исполнительного Комитета Крымской АССР был выдвинут Вели Ибраимов, занимавший в прошлом посты председателя Особой Тройки по борьбе с бандитизмом и Народного Комиссара Рабоче-Крестьянской Инспекции Крымской АССР.

Начиная с середины 1927 года, в пределах Кр. АССР стали циркулировать слухи о прикосновении Вели Ибраимова не только к ряду террористических актов, совершенных летом 1927 г. на территории Крымской Республики, но и к бандитской организации, осуществлявшей эти акты.

Произведенное по существу этих деяний предварительное следствие установило следующее:

Летом 1926 года Главсуд Кр. АССР проводил судебный процесс бр. Муслюмовых. Последние являлись вожаками кулацких элементов, действовавших против крестьянской бедноты.

Пользуясь своим служебным положением, Вели Ибраимов и его ближайший единомышленник Амет Хайсеров предпринимают ряд действий, направленных к срыву процесса.

В результате такого деяния не только были ослаблены меры социальной защиты, направленные против обвиняемых Муслюмовых, но из сферы судебного воздействия вышло прикасавшееся к преступной деятельности Муслюмовых лицо—Амет Хайсеров.

Такого рода действия Вели Ибраимова явились предметом суждения соответствующих органов, и в апреле 1927 года Ибраимову был объявлен выговор за „неправильное поведение в связи с делом Муслюмовых“.

Наиболее стойкими выразителями пострадавшей стороны на процессе—крестьянской бедноты—явились свидетели обвинения—Сейдаметов Абдураман и Чолак Ибраимов Ариф. Независимо от результатов процесса они продолжали выявлять личность Хайсерова в истинном свете как на собраниях и перед общественными организациями, так и в частных разговорах.

В процессе следствия рядом свидетельских показаний были вскрыты следующие моменты из прошлого Хайсерова, охарактеризованного, „как культурного профессионала-бандита“. В 1918 г. Хайсеров, как офицер курултаевского отряда, выступал против большевиков. В период занятия Крыма врангелевскими войсками, Хайсеров

служил в контр-разведке в чине штабс-капитана. В бытность свою в контр-разведке Хайсеров лично производил аресты, обыски и приводил в исполнение смертные приговоры над советскими работниками, коммунистами и красными партизанами. Так, например, при поимке в 1919 г. красного партизана Чолака Ибраима Хайсеров избивает его железной нагайкой, простреливает ему наганом нижнюю челюсть и выбивает зубы. В том же году курултаевский отряд, возглавляемый Хайсеровым, арестовал гр-на дер. Аутка Рустема, привез его в Ливадию и подверг избиениям и колотию штыками. Приносимое ему кушанье отбиралось, а в рот ему насильно втыкали человеческий кал. На второй день Рустем был расстрелян, а труп его выброшен на базар.

В сентябре 1919 года Хайсеров приводит в исполнение приговор над заведующим имением в Суук-Су тов. Омельченко с женой, причем жену Омельченко Хайсеров после повешения добивает прикладом.

В период 1920—21 г., при установлении в Крыму Советской власти, Хайсеров, организовав бандитскую шайку, уходит с ней в горы и оттуда производит бандитские налеты и грабит дворцы.

После майской амнистии 1921 года шайка была им ликвидирована, и Хайсеров с его сообщниками при содействии Вели Ибраимова были амнистированы.

Ибраимов, будучи в то время председателем чрезвычайной тройки по ликвидации бандитизма, назначает Хайсерова комендантом состоявшего при тройке отряда. Его сообщники—Шпан Садык, Аджи Эмир, Меджитов, Чолбаш, Усеинов (Гжик) и др.—принимаются в отряд.

Одновременно Хайсеров не брезгует заниматься и контрабандой.

В голодный период 1921—22 года Хайсеров, подкупленный турецкими контрабандистами-коммерсантами, за 600 лир, выстрелом из ружья убивает Ялтинского таможенного работника Костю, препятствовавшего заниматься контрабандным промыслом. Преступление не было обнаружено, т. к. лица, осведомленные о сделке, боясь Хайсерова, смолчали.

Чолак, получив в 1921 году сведения о возвращении из-за границы Хайсерова, пытался возбудить против него уголовное преследование и потребовал возврата отобранных у него при аресте денег. Попытка его не увенчалась успехом. При личном свидании Ибраимов дал ему 10 руб., заметив, что „возбуждать старое дело не стоит“, а Хайсеров вручил ему 5 рублей.

После ликвидации чрезвычайной тройки В. Ибраимов, вступив в должность председателя Крымского ЦИК, назначает Хайсерова своим личным секретарем.

В 1926 г. Хайсеров переходит на службу в Дом Крестьянина, а в последний период времени—1-ая четверть 1927 г.—занимается торговлей и спекуляцией. В знак служебной признательности Ибраимов награждает его револьвером с золотыми монограммами.

По окончании процесса Муслюмовых со стороны Вели Ибраимова и Хайсерова по адресу свидетелей обвинения Сейдаметова и Чолака высказывается ряд угроз.

По адресу Сейдаметова угрозы эти выразились в подбрасывании угрожающих писем в окна его квартиры. При случайных встречах Чолака с Хайсеровым, последний наносил ему ругательства и открыто говорил: „вы копаете яму для Муслюмовых, я вам это отомщу, сам сяду в тюрьму, но кого-либо из вас застрелю“. С прямыми угрозами к Чолаку обращается и Ибраимов.

При появлении Сейдаметова в симферопольской кофейне на него с насмешкой указывают Вели Ибраимову, как на свидетеля обвинения. По распоряжению Ибраимова, Сейдаметова арестовывают и заключают в Исправдом. Там осужденные по делу Муслюмовых лица избивают его и пытаются зарезать. Через 10 дней Сейдаметов освобождается. 26—27 мая 1927 г. при встрече Сейдаметова в Ялтинском Доме Крестьянина с Ибраимовым, последний, по словам Сейдаметова, нахмурившись на него, сейчас же вышел во двор.

В середине мая 1927 г. Вели Ибраимов посылает некоего Чолбаша в Ялту и передает заведующему ялтинской кофейней Усеинову Апазу (Гжику) следующее поручение: „Уничтожить эту сволочь Абдурамана (Сейдаметова), чтобы он не трепался по кофейням“.

По прибытии в Ялту Чолбаш передает это поручение Усеинову. Последний не приводит его в исполнение.

Чолбаш пользовался особым покровительством Ибраимова и через него обращались к Ибраимову прибывающие по делам крестьяне. До амнистии 1921 года он находился вместе с Хайсеровым в горах и оттуда совершал бандитские налеты.

Не менее колоритной фигурой являлся и Усеинов (Гжик). В мае 1921 года он руководил отрядом бело-зеленых бандитов. Отрядом был остановлен автомобиль по дороге из Алушты в Ялту. Находившиеся в нем военкомы, по его приказанию, были расстреляны, а автомобиль сожжен.

Назначение его заведующим Домом Крестьянина прошло при содействии Ибраимова.

Покушение на убийство Сейдаметова

Спустя, примерно, неделю, неудавшаяся попытка убить Сейдаметова была вновь повторена. На этот раз руководящую роль принял на себя Хайсеров.

В день покушения—28 мая—Хайсеров появляется в ялтинском Доме Крестьянина и занимает номер. В течение дня он ведет переговоры с неизвестными лицами. К нему также приходят соучастники его былых налетов Чолбаш и Аджи Эмир Усеин. В этот же день утром его посещает прибывший на автомобиле из Симферополя Вели Ибраимов и в 11 час. утра уезжает обратно. К вечеру Хайсера вызывают по телефону из Симферополя и он, в присутствии номернантки Саликовой, отвечает по телефону: „Джафер, я не поехал, то, что должен сделать,—сделаю, люди здесь“.

В дальнейшем, по материалам предварительного следствия, покушение на убийство Сейдаметова определяется следующим моментом:

Около 10 часов вечера 29 мая 1927 года Сейдаметов совместно с беспризорным мальчиком Бабак направились из ялтинского Дома Крестьянина в деревню Дерекой для ночлега у родственников Сейдаметова. По дороге, у Дерекойского цементного моста, они были встречены несколькими злоумышленниками, стоявшими на дороге около моста. Один из злоумышленников был в тот же момент опознан Сейдаметовым и оказался Аметом Хайсеровым. Последний при встрече произвел в Сейдаметова три револьверных выстрела. Ни одним из них, вследствие темноты, в цель не попал. После первого выстрела Сейдаметов упал на землю, а мальчик Бабак побежал в Дерекой, созывая людей на помощь. За время отсутствия мальчика Сейдаметов был оттащен нападавшими с места падения за угол стены на Дерекойскую улицу около сада. Там он был избит камнем в голову до потери сознания, что подтверждается показаниями потерпевшего, справкой врача и обнаружением на месте происшествия окровавленного камня.

По показанию потерпевшего, один из нападавших на него похож на гр-на дер. Верхней Массандры Меджитова Сеид Амета. Кроме того, во время избиения Сейдаметов заметил, как из сада вышел на дорогу толстый татарин, оказавшийся, по его мнению, Чолбашем.

Спустя некоторое время после выстрелов, около кладбища у дер. Ай-Василь, недалеко от места покушения, прохожими был замечен проходивший зять Хайсéroва—Аджи Эмир Усеин. По отзыву дерекойских татар, в нападении на Сейдаметова принимал участие помимо Аджи Эмир Усеина, также и Шпан Садык, схвативший Сейдаметова за горло.

Все указанные сообщники Хайсéroва связаны были с ним не только по совместному пребыванию у белых в контр-разведке, но и по совместной службе в отряде чрезвычайной тройки Ибраимова.

С именем каждого из них связаны, чинимые ими истязания, пытки и убийства граждан, подозреваемых в большевизме. По установлении Советской власти и до амнистии 1921 г. они находились в горах и оттуда производили налеты, главным образом, на проезжавшие автомобили.

Пребывание шайки в лесу

Выяснив, что покушение на Сейдаметова не достигло цели, Хайсеров, боясь ответственности, скрывается в лесах. Для полного ограждения себя от поимки, Хайсеров собирает вокруг себя шайку. В состав шайки входят, как соучастники его покушения на Сейдаметова,—Шпан Садык, Аджи Эмир, Усеин, Меджитов Сеид Амет, скрывавшиеся от розыска с момента неудавшегося покушения в виноградниках, так и лица, осведомленные о мотивах покушения и связанные с Хайсеровым по прежней бандитской деятельности—Ахтем Софу, Меджитов Мустафа, Сейдали Мемед (Чикчи) и присоединив-

шийся к ним Осман Курт Сеит, также разыскиваемые следственными органами.

Все члены снабжаются огнестрельным оружием. Основной их базой служит лесная пещера, в которой после поимки членов шайки обнаруживаются винтовки и запас патронов.

Одним из источников снабжения шайки оружием являлся Вели Ибраимов. Так, он передал явившемуся к нему члену шайки Ахтему Софу (по прозвищу „Зеленый“) парабеллум, принадлежавший ответственному секретарю КОППР Мустафе Абдулла. После смерти Ахтема, убитого при его поимке, жена его сдала этот парабеллум в сельсовет. В процессе следствия парабеллум был опознан Мустафой Абдуллой как тот парабеллум, который был им передан Ибраимову.

Вели Ибраимов через этого же Ахтема посылал Хайсерову и деньги.

Помимо снабжения шайки оружием и деньгами, Ибраимов поддерживал с ней непосредственную связь.

Эта связь осуществлялась через упомянутое посещение Ибраимова Ахтемом и через личные свидания Ибраимова с разыскиваемым Хайсеровым. С этой целью Ибраимов выезжал из Симферополя на автомобиле в район Южного берега. В условленном месте Хайсеров вызывался особыми свистками, дававшими знать о прибытии Ибраимова.

Снабжение шайки съестными припасами происходило через родственников и их единомышленников, систематически приносивших из окрестных деревень пищу.

Убийство Чолака

Через полтора месяца после неудавшегося покушения на убийство Сейдаметова, в период пребывания шайки Хайсерова в лесах, произошло убийство второго свидетеля по делу Муслюмовых—Чолака.

Данными предварительного следствия убийство Чолака сопровождалось следующими обстоятельствами: 13-го июля 1927 года, по указанию гр-на Тукало, был обнаружен труп неизвестного человека в свалочной балке за Симферополем, примерно, в 300 саж. от города. Труп мужчины был почти засыпан землей, с примесью золы, из-под которой торчали отдельные части тела. По извлечении трупа оказалось, что рот трупа был забит кляпом из пакли и шерсти с соломой, а на голове был кусок войлока сероватого цвета, вокруг шеи—шпигат; на внутренней стороне войлока имелись свежие кровяные пятна в обильном количестве.

Произведенным 14-го июля того же года судебно-медицинским вскрытием установлено, что смерть неизвестного мужчины последовала от задушения путем закрытия дыхательных путей в полости рта войлочным и травяным кляпом. Следы колес линейки, веревка, обвязанная вокруг шеи и бедер по подколенным впадинам для удобства транспортировки, указывали, что труп был привезен, выброшен на свалку и засыпан слегка землей.

В целях установления личности убитого, труп был сфотографирован. В дальнейшем было установлено, что убитым являлся крестьянин деревни Туак, Ялтинского района, Ибраим Ариф Чолак.

12-го июля, приблизительно, в 4 часа дня, к дежурному красноармейцу Шилову, стоявшему у здания Обкома ВКП(б), подошел неизвестный татарин и попросил передать одному из сотрудников ГПУ, что его—Чолака,—вызывает к себе на квартиру председатель КрымЦИК'а, что он идет к нему, но боится за свою судьбу, так как председатель ЦИК'а на него сердит. Красноармеец Шиллов, не запомнив сказанной ему фамилии сотрудника ГПУ и не зная фамилии разговаривающего, предложил подошедшему написать эти фамилии, что тот и сделал, при чем себя он назвал Ибраимом Чолак. По окончании дежурства Шиллов направился в ГПУ, но указанного в записке сотрудника не застал и передал записку дежурному, одновременно сообщив ему о своем разговоре с неизвестным татаринном.

Личность убитого Чолака, как это явствует из документов, является, как активного сторонника Советской власти, боровшегося в рядах повстанцев против белых, арестовывавшегося ими, подвергшегося избиениям и раненого в бою под Судаком. Из выписки протокола крымской комиссии по назначению персональных пенсий от 20 августа 1924 года за № 5 видно, что означенная комиссия постановила ходатайствовать о назначении Чолаку персональной пенсии, как активному участнику партизанских частей в борьбе против контр-революции и инвалиду 3-й группы.

Предварительным следствием установлено, что в предшествующие убийству дни и в самый день убийства Чолак находился в Симферополе, посещал Истпарт, где он давал сведения о себе, как о подпольном работнике, боровшемся против белых, и, одновременно, в данном заявлении указывал на роль Амета Хайсерова, близкого друга Вели Ибраимова, в период гражданской войны и на службу Хайсерова в контр-разведке у белых. Тогда же Чолак был и в КрымЦИК'е, ходатайствуя о назначении пенсии и в день убийства, т. е. 12 июля 1927 г., был у Вели Ибраимова, которому и подал заявление. Тут же Чолак обратился к Вели Ибраимову с просьбой дать ему его фотографическую карточку, что слышал брат Вели Ибраимова—Умер Ибраимов. В ответ на эту просьбу Вели Ибраимов предложил Чолаку явиться к нему после занятий на квартиру.

Таким образом, предварительным следствием с несомненностью устанавливается, что 12 июля 1927 г. Чолак, приблизительно, между 4-мя и 5-ью часами пополудни, направился на квартиру председателя Кр.ЦИК'а Вели Ибраимова, согласно предложению последнего, сделанному утром в тот же день. В процессе следствия Вели Ибраимов и Афуз Факидов, скрывшийся в средних числах июля от ареста в квартире Вели Ибраимова, категорически отрицали факт присутствия 12 июля 1927 г. на квартире Вели Ибраимова Чолака, а тем более—убийства его ими. Первоначально Вели Ибраимов, в целях установления своего алиби, сослался на нахождение его 12 июля 1927 г. в слу-

жебной командировке. Однако, выписки из приказа КрымЦИК'а о командировках должностных лиц с ясностью устанавливают, что 12 июля 1927 г. Вели Ибраимов находился в Симферополе и в командировке не значился. Это обстоятельство подтверждает и наложенная на заявлении Чолака резолюция Ибраимова, датированная 12 июля.

Около 20 декабря 1927 г. содержащийся под стражей по настоящему делу Абибулла Исмаил, по прозвищу „Алимка“, показал, что ему известно, кто непосредственно совершил убийство Чолака. Алимка подробно описал и свое личное участие в этом деле. По его показаниям, в день убийства, в 6 часов вечера, он, Абибулла Исмаил, зашел в кофейню Дома Крестьянина и увидел Вели Ибраимова, спросившего его, дома ли его подвода?

Первоначально, как рассказал ему Вели Ибраимов, последний хотел воспользоваться подводой Чолбаша Сулеймана, но так как тот уехал, а ему крайне необходима подвода, то он велел приехать Абибулле к нему на квартиру, часов в 9 вечера. Когда Абибулла возвратился к себе домой, к нему вскоре пришел сильно взволнованный и перепуганный гражданин Факидов Афуз-Мухтар с просьбой позволить ему переночевать. В 9 часов вечера, согласно условию, Абибулла Исмаил подъехал к дому, в котором жил Вели Ибраимов, ожидавший его уже около дома; через несколько минут Вели Ибраимов вынес труп человека, во что-то завернутый и перевязанный веревкой. Положив труп на подводу и сев сам, Вели Ибраимов приказал ехать за город в степь. Тут же Вели Ибраимов сообщил Абибулле, что он вместе с Факидовым в этот день убили Чолака. По дороге они заехали за Факидовым, после чего Вели Ибраимов отправился домой, а Абибулла и Факидов поехали за город, с целью скрыть труп. Они выбросили труп в том месте, где он был обнаружен, как это было указано в акте осмотра местности. Одеяло, принадлежащее Факидову, в которое был завернут труп, было взято его собственником.

. Долго запиравшийся в убийстве Чолака Факидов, под тяжестью улик и вследствие сознания Абибуллы Исмаила, 20—XII—27 г. признал свое участие в убийстве Чолака, выразившееся, по его словам, в том, что он лишь перетаскивал труп из комнаты, в которой был убит Чолак, в другую, по приказанию Вели Ибраимова. Непосредственного участия в убийстве он не принимал, а, будучи вызван Вели Ибраимовым в кухню, уже нашел там труп задушенного Чолака. Действуя далее согласно приказанию Вели Ибраимова, он направляется к Абибулле Исмаилу и вызывает его в квартиру Ибраимова. Затем он узнает, что Абибулле уже известно о случившемся. Процесс сокрытия трупа в описании Факидова целиком совпадает с показаниями, данными Абибуллой.

После упорного и долгого запирательства, В. Ибраимов 9—II—28 г., наконец, признает себя виновным в убийстве Чолака. Согласно его показаниям, Чолак, 12 июля, приходит к нему на службу с каким-то заявлением и тут же просит у него фотографическую карточку, на что Вели Ибраимов предлагает Чолаку явиться к нему на квартиру.

Обстоятельства, предшествовавшие убийству Чолака, Вели Ибраимов излагает в следующем виде: первоначально Чолак сидел в кабинете квартиры Вели Ибраимова и о чем-то с ним говорил, потом Вели Ибраимов вышел из кабинета в столовую, где находился скрывавшийся у него и разыскиваемый следственными органами Факидов, который и предложил Вели Ибраимову убить Чолака, как человека, действующего против него—Вели Ибраимова и распространяющего порочащие его сведения. Дав согласие на убийство, Вели Ибраимов вызвал Чолака в большую кухню; там на него набросился Факидов и стал его душить. Убийство окончилось быстро—Чолак не кричал и не сопротивлялся. Непосредственное убийство Чолака, согласно показаниям Вели Ибраимова, было совершено Факидовым, он же только присутствовал при этом, а в дальнейшем вместе с Факидовым завязали труп и вынесли в соседнюю комнату, которая представляла из себя маленькую кухню. Дальнейшие действия Вели Ибраимова, принятые им в целях сокрытия трупа, в его описании ни в чем не расходятся с показаниями Абибуллы Исмаила и Факидова Аффуза.

В последующем показании Ибраимов признается в том, что во время убийства Чолака он держал последнего за руки. Обращаясь к мотивам, побудившим Вели Ибраимова заманить к себе Чолака и совершить убийство, по данным предварительного следствия, с несомненностью можно установить, что Чолак, будучи активным сторонником Советской власти и борясь в период гражданской войны против белых, имел целый ряд сведений, изобличающих ряд лиц в участии на стороне белых в борьбе с Советской властью. Среди этих лиц были люди, весьма близкие к Вели Ибраимову, в том числе и его близкий друг Хайсеров Амет. Равным образом, во время процесса Муслюмовых в 1925 году главным свидетелем преступных действий кулаков бр. Муслюмовых против крестьянской бедноты явился Чолак, тогда как и Вели Ибраимов, и его лучший друг Хайсеров старались затушить процесс.

По заявлению Чолака, Ибраимов ему прямо сказал: „ты не копайся под Хайсерова, я тебя застрелю, заставлю в тюрьмах гнить, ты знаешь, кто я...“

В связи с тем, что ко дню убийства Чолака Хайсеров был вновь замешан в дело о покушении на убийство Сейдаметова по прямому подстрекательству Вели Ибраимова, последний пришел к заключению о необходимости „убрать“ Чолака, как свидетеля, могущего, в конце концов, полностью разоблачить его деятельность и деятельность близких ему людей.

Преднамеренность убийства Чолака по указанным выше мотивам с несомненностью устанавливается фактом приглашения без всяких оснований Чолака к себе на квартиру, фактом отсутствия в квартире кого бы то ни было, за исключением укрывавшегося и принимавшего участие в убийстве—Факидова, отсутствием какого-либо повода, могущего вызвать внезапное убийство, своевременным принятием мер для сокрытия следов преступления (приготовление войлока, предо-

хранявшего от кровавых пятен) и, наконец, тем, что после мероприятий по сокрытию труп Вали Ибраимов отправился на собрание, в целях возможности установления, в случае надобности, своего алиби.

Переброска шайки в Симферополь

Шайка Хайсерова скрывалась в районе деревень Ай-Василь и Никита до половины сентября 1927 г. Окрестное население не поддержало шайки Хайсерова. Когда выяснилось, что обещание Ибраимова выхлопотать для Хайсерова и его шайки амнистию не оправдалось, среди членов шайки начались раздоры. Этому способствовали и начавшееся в сентябре 1927 года землетрясение и наступающая осень.

В силу указанных причин Ибраимовым и Хайсеровым решено было шайку ликвидировать, а членов ее переправить за границу.

Предварительно члены шайки перебрасываются в Симферополь. Первым перевозится Хайсеров. Организацию перевозки взял на себя Ибраимов. 4 сентября намеченный им план решено было осуществить. Согласно плану, Ибраимов ночью выехал из Ялты на автомобиле КрымЦИК'а, захватив с собой своих единомышленников мясника-торговца и друга детства Абибуллу Исмаила (Алимку), заведующего симферопольским Домом Крестьянина, Мустафу Шевкета и студента Кулянэ. Последний для сокрытия цели поездки должен был фигурировать в глазах шофера, как заведующий Восточным музеем, т. к., по выражению Ибраимова, „шофер у него партийный и он ему не доверяет“. В условленном месте по шоссе Кулянэ, под предлогом отправления естественных надобностей, должен был выйти, условно окрикнуть Хайсерова и передать ему свой плащ. Хайсеров под видом Кулянэ должен был доехать до Симферополя.

Подъезжая к условленному месту, Ибраимов держал наготове заряженный маузер. В виду неприбытия Хайсерова первая попытка его перевозки не осуществилась.

При второй поездке, через несколько дней, Ибраимов благополучно захватил Хайсерова. Последний, под видом прохожего, попросил сесть в автомобиль, а недалеко от квартиры Ибраимова сошел, вручив через Ибраимова шоферу Хара 10 рублей, якобы в уплату за перевозку.

В квартире Ибраимова Хайсеров пробыл около полутора месяца.

В обсуждении вопроса о дальнейшей переброске банды в Симферополь вместе с Хайсеровым и Ибраимовым принимали участие следующие лица: заведующий детской колонией Тулиев Абди, ответственный секретарь КОППР'а Мустафа Абдулла, заведующий кофейней симферопольского Дома Крестьянина Джаилиев Осман, заведующий симферопольским Домом Крестьянина Мустафа Шевкет, торговец Абибулла Исмаил (Алимка).

Согласно принятому решению, организация перевозки шайки поручается жителю дер. Мамут-Султан, кулаку Аппазову Аблякиму.

В условленном месте бандитов поджидает дилижанс, нагруженный для вида пустыми яичными ящиками. В этом дилижансе члены шайки Шпан Садык, Меджитов Сеид Амет, Меджитов Мустафа, Ахтем Софу; Аджи Эмир, Осман Курт Сеит и Сейдали Мемет (Чикчи) доставляются в дер. Мамут-Султан, в дом Аппазова Аблякима.

Часть бандитов, замешанных в покушении на Сейдаметова, переправляются в Симферополь для водворения в надежные квартиры. По личному распоряжению Вели Ибраимова мясной торговец Абибулла Исмаил (Алимка) принимает к себе Аджи Эмир Усеина и Ахтема Софу.

В квартире студента Кулянэ Эдема, по указанию владельца дома Тулиева Абди, водворяются бандиты Шпан Садык и Меджитов Сеит Амет. В обоих случаях перевозку бандитов из деревни Мамут-Султан в Симферополь совершает Аппазов Абляким. Остальные члены шайки Меджитов Мустафа, Сейдали Мемет Чикчи и Осман Курт устраиваются с помощью Аппазова в различных местностях.

В период пребывания бандитов в Симферополе в квартире Ибраимова, Мустафы Абдуллы и других местах происходит ряд совещаний о способах переправки шайки за границу. На этих совещаниях присутствовали Хайсеров, Ибраимов, Мустафа, Абдулла, Джалилев Осман, Мустафа Шевкет, Абибулла Исмаил (Алимка), Тулиев Абди, Кулянэ и Аджи Абдул Мемет.

Желая отправить Хайсерова морским путем в Турцию, Ибраимов посылает Абдуллу Аджи Мемета, а затем Мустафу Шевкета за севастопольским лодочником турком Кадыр.

В процессе следствия было установлено, что, по заданию Вели Ибраимова, в Турцию и ранее отправлялись нелегальным путем нужные для него люди. Так, в 1923 г., по личному распоряжению Ибраимова, упомянутый выше лодочник Факидов Афуз помог переехать из Крыма в Константинополь поэту Хамди-Гирай-Баю. Это преступление было раскрыто в 1927 г., при возвращении Гирай-бая из Константинополя.

Факидов при помощи Чолбаша, являясь также известным контрабандистом, переправил в Турцию белого офицера; за ним же числились и убийства с целью ограбления.

В предвидении ареста Факидов скрылся и в течение июля месяца тайно жил в квартире Ибраимова и помог ему при совершении убийства Чолака.

При первом личном свидании с Ибраимовым Кадыр, в присутствии Факидова и Мустафы Шевкета, отказывается выполнить предложение Ибраимова—тайно перевезти Хайсерова на моторной лодке в Турцию.

Таким же отказом отвечает и второй турок Гереклы Зекирья, к которому посылались те же лица.

Последующие переговоры специально выехавшего на Севастопольское побережье Ибраимова с Кадыром и Гереклы не увенчались успехом. Не осуществилась и следующая версия, выдвинутая Ибраимовым,—увезти Хайсерова с собой в международном вагоне при поездке на сессию ЦИК СССР.

Поимка шайки

За время отсутствия Ибраимова, еще более неудачной оказалась проведенная Мустафой Абдуллой с перечисленными выше сообщниками операция по переброске за границу остальных членов шайки.

1-го октября 1927 г. на станции Синельниково были задержаны ехавшие по подложным документам—Шпан Садык Мустафа и Меджитов Сеит-Амет, скрывавшийся до того времени на квартире Кулянэ. У задержанных обнаружили крупную сумму денег, золотые монеты и турецкие лиры, свидетельствовавшие об их намерении переехать в Турцию. Шпан Садык и Меджитов, после запирательства, признались, что в г. Гори, в гостинице „Боржом“, была назначена встреча с остальными членами шайки. Подложные документы были им даны Тулиевым Абди в присутствии Кулянэ Эдема, который знал о маршруте отъезжавших от него бандитов. И, действительно, через несколько суток в Гори, в гостинице „Боржом“ были задержаны Аджи Эмир Усеин и Абдулла Аджи Мемет. Последние показали, что Вели Ибраимов перед отъездом предложил Абдулле Аджи Мемету отвезти на Кавказ Аджи Эмира и Ахтема Софу. Для этой цели Абдулла Аджи Мемет получил от Мустафы Абдуллы 50 рублей. Однако, Ахтем Софу, опасаясь ареста, оставил в Джанкое поезд и возвратился в дер. Мамут Султан к Аппазову Аблякиму.

Последний помог ему перебраться обратно на Южный берег и присоединиться к вернувшимся туда же бандитам Меджитову Мустафе и Сейдали Мемету (Чикчи).

Передавая Абдулле Аджи Мемету деньги на дорогу, Мустафа Абдулла сообщил ему о предстоящей их встрече на Кавказе. И, действительно, спустя неделю, Мустафа Абдулла и Джелилев Осман выехали на Кавказ, но, доехав до Баку и заподозрив неудачу, возвратились обратно.

Бегство Хайсерова

Один из главных укрывателей—Тулиев Абди,—в предвидении ареста заблаговременно скрылся. Это обстоятельство побудило Ибраимова, по своем возвращении из Ленинграда, ускорить отъезд Хайсерова. В середине октября, около 10-ти часов вечера, Хайсеров вышел из квартиры Ибраимова и под руку с женой Ибраимова направился в переулок, к поджидавшей его линейке. Следом за ними вышел из квартиры Ибраимов со своим волкодавом и в отдалении сопровождал их до момента отъезда Хайсерова на линейке. Снабженный подложными документами, добытыми при помощи Мустафы Шевкета, Хайсеров скрылся.

В начале ноября близ деревни Байдар были ликвидированы остатки шайки: Ахтем Софу, пытаясь при поимке бежать, был убит, Сейдали (Чикчи) и Меджитов Мустафа, а затем и Осман Курт Сеит—были задержаны.

Растрата в КОППР'е

Снабжение шайки деньгами побудило предварительное следствие обратить внимание на деятельность КОППР'а, руководители которого Ибраимов и Мустафа Абдулла широко расходовали денежные средства.

Актом ревизии денежных средств КОППР'а, произведенной по назначению НК РКК Крыма, установлена недостача 37.941 руб. 41 коп., при чем, согласно выводам ревизии, эта недостача падает на председателя КОППР'а В. Ибраимова и ответственного секретаря КОППР'а Мустафа Абдулла, которые бесконтрольно распоряжались вверенными им суммами.

Указанная сумма складывается из следующих частей: за Вели Ибраимовым—2.000 руб., 17.297 руб. 47 коп., полученных от реализации последних 500 ящиков лимонов, переведенных на имя Вели Ибраимова; 5.000 руб., полученных им с текущего счета Симферопольского Отделения Коммунального Банка и незначущихся внесенными в кассу; 23—IX—27 г. по кассовому ордеру № 254 было выдано Вели Ибраимову 5.000 руб., из коих только 3.400 рублей 30—IX—27 г. по кассовому ордеру № 148 поступили обратно, следовательно, за ним осталось 1.600 руб.

За Мустафой Абдуллой значится—12.045 руб. 94 коп.

Основную сумму недостачи в 24.815 рублей 22 коп. составляют депы и, полученные от „лимонной операции“. В целях сокрытия присвоения указанной суммы была проделана следующая бухгалтерская операция. По кассовому ордеру за № 121 от 29—VIII—27 г. был показан приход в 14.000 р., переделанный затем путем подчистки на 1400 руб.; по кассовому ордеру № 122 от 8—IX—28 года показано поступление от Всеукраинбанка 2.000 р., затем по расходному ордеру № 225 на сумму 2.000 руб. и 1.400 р., указанные суммы были сторнированы (выписаны в расход), как, якобы, ошибочно занесенные. Таким образом, сумма, вырученная от 500 ящ. лимонов по лицензии № 41451, а также от 500 ящ. лимонов, реализованных лично Мустафой, в 24.815 р. 22 коп., в конечном счете, в кассу КОППР'а не попали.

Призведенным следствием установлено, что бывш. председатель КОППР'а Вели Ибраимов расходовал деньги КОППР'а по своему усмотрению. Так, частному торговцу Алимолаеву им было выдано без всякой расписки 5.000 рублей, из коих последний вернул лишь 1.500 рублей.

Из показаний лиц, привлеченных по настоящему делу, Шпан Садыка и Эмира Усеина, видно, что в то время, когда они скрывались в горах, бандит Ахтем, по прозвищу „Зеленый“, приносил из города деньги от имени Вели Ибраимова. Равным образом, устанавливается, что Вели Ибраимовым было передано по 500 рублей Ахтему Софу и Аджи Эмир Усеину для того, чтобы они могли скрыться из Крыма. Следствием также установлено, что, согласно показаниям Кулянэ, им передано 100 руб. Абдурахманову от Амета Хайсерова, в то время

как последний скрывается в квартире Вели Ибраимова и в течение последних месяцев не имел никакого заработка.

По данному вопросу Вели Ибраимов никакого удовлетворительного объяснения не дал, оговорившись тем, что он никаких денег не брал и никуда их не тратил, но никаких доказательств своей непричастности к растрате указанной суммы не привел, лишь сказавши, в конце концов: „если нужно, я могу взять все на себя“.

Мустафа Абдулла, признавая, что он получил лишь 180 р. в счет жалованья и их не вернул, отрицает растрату им каких-либо сумм из средств КОППР'а.

При обыске, произведенном у Вели Ибраимова, было обнаружено 5.600 рублей, а у Мустафы Абдуллы большое количество золотых предметов.

Данными следствия устанавливается, что бывший председатель КОППР'а Вели Ибраимов и ответственный секретарь КОППР'а Мустафа Абдулла, состоя во главе общественной организации, присвоили и растратили на личные нужды, на поддержку скрывавшихся бандитов и на поддержку частных лиц 37.941 р. 41 к.

На основании изложенного изобличаются:

1. Ибраимов Вели, 40 лет, с 1906 г. служащий кассиром в кофейне, образования низшего, бывш. член ВКП(б) с 1918 г., бывш. член ВЦИК и кандидат в члены Совета Национальностей ЦИК СССР, бывш. председатель ЦИК Крымской АССР, в том, что он:

а) Пользуясь своим служебным авторитетом председателя ЦИК Крымской АССР, в мае 1927 г. дал прямое распоряжение убить гражданина Сейдаметова Абдурамана с целью избавиться от него, как от лица, могущего вскрыть отрицательные стороны не только его, Ибраимова, но и контр-революционного прошлого ближайшего единомышленника Ибраимова—бандита Амета Хайсерова.

б) Руководствуясь теми же мотивами, по которым он дал распоряжение убить Сейдаметова, он 12 июля 1927 г. в г. Симферополе в своей квартире с заранее обдуманном намерением убил посредством удушения бывшего красного партизана, представленного к персональной пенсии за заслуги перед революцией,—Чолака Ибраима Арифа, заманив предварительно последнего под предлогом деловых переговоров на свою квартиру.

в) Снабжал оружием и деньгами вооруженную шайку Амета Хайсерова, скрывавшуюся в районе Южного берега Крыма после неудавшегося покушения на убийство Сейдаметова, затем укрывал ее в Симферополе в квартирах своих сообщников, в частности,—скрывал Хайсерова на своей квартире и снабдил Хайсерова и других членов шайки подложными документами.

г) Состоя председателем Крымского общества помощи переселенцам и расселенцам (КОППР), совместно с ответственным секретарем КОППР'а Мустафой Абдуллой присвоил и растратил на свои

личные нужды, на поддержку скрывавшихся бандитов и других частных лиц до 37.941 руб.

д) В июне—июле 1927 года укрывал у себя на квартире скрывавшегося от розыска контрабандиста Факидова Афуза.

Означенные преступные действия предусмотрены ст. ст. 58^а, 59^а и 2 ч. 116 ст. Уголовного Кодекса.

2. Факидов Афуз Мухтар, 35 лет, из крестьян, по профессии моряк, образования низшего, беспартийный, обвиняется в том, что он, склонившись на предложение Вели Ибраимова, 12 июля 1927 года в г. Симферополе, в квартире Ибраимова, зная цель и мотивы убийства, принял непосредственное участие в убийстве Чолака посредством удушения и нанесения ран, а затем, обернув труп Чолака в свое одеяло, принял участие в отвозе трупа за город для сокрытия следов преступления. Означенное преступное действие предусмотрено ст. ст. 17 и 58 ст. Уголовного Кодекса.

3. Абибулла Исмаил (Алимка), 45 л., торговец-мясник, малограмотный, беспартийный, несудившийся, обвиняется в том, что он, склонившись на предложение Вели Ибраимова, 12 июля 1927 года в г. Симферополе принял участие в сокрытии трупа Чолака, представив для этой цели свою подводку. Означенное преступное действие предусмотрено 17 и 58^а ст. ст. Уголовного Кодекса.

4. Шпан Садык Мустафа, 34 лет, из крестьян, плантатор, малограмотный, беспартийный, несудившийся; 5. Аджи Эмир Усеин, 32 лет, из крестьян, образования низшего, беспартийный, несудившийся, имеет дом, 2 коровы, одну лошадь, 150 баранов и сад; 6. Меджитов Сеит Амет, 32 лет, из крестьян, винодел, неграмотный, беспартийный, привлекался к суду в 1921 году; 7. Чолбаш Сулейман, 35 лет, малограмотный, из крестьян, по профессии шорник, беспартийный, несудившийся, безработный—обвиняются в том, что они:

а) объединившись вокруг Хайсера в вооруженную банду и действуя под руководством Амета Хайсера по предварительному взаимному соглашению, 28 мая 1927 г., в 10 ч. вечера близ г. Ялты, на Дерекской дороге, напали на гр-на Сейдаметова Абдурамана, с целью убить его, при чем камнями и огнестрельным оружием нанесли ему 13 ранений, в том числе 5 глубоких и рваных;

б) кроме того, Шпан Садык Мустафа и Меджитов Сейдамет, пользуясь подложными документами, пытались при их помощи переехать за границу.

Означенные преступные действия предусмотрены ст. ст. 17, 136 и 59^а Уголовного Кодекса.

8. Меджитов Мустафа, 42 лет, из крестьян, малограмотный, беспартийный, не судившийся; 9. Сейдали Мемет (Чикчи), 37 лет, из крестьян, неграмотный, беспартийный, не судившийся; 10. Осман Курт Сеит, 20 лет, из крестьян, неграмотный, беспартийный, судившийся по 1 ч. 74 ст. УК,—обвиняются в том, что они, зная о целях организации вооруженной шайки Хайсера, вступили в нее и участвовали в ней свыше трех месяцев.

Означенное преступное деяние предусмотрено ст. ст. 17 и 59³ Уголовного Кодекса.

11. Усеинов Аппаз (Гжик), 39 лет, б. заведующий постоянным двором ялтинского Дома Крестьянина, малограмотный, беспартийный, по профессии извозчик, и Чолбаш Сулейман—обвиняются в том, что они, получив прямое распоряжение от Вели Ибраимова убить Сейдаметова Абдурамана и, зная о мотивах этого убийства, не донесли об этом соответствующим органам.

Означенное преступное действие предусмотрено 58¹² ст. УК.

12. Мустафа Абдулла, 34 лет, образования низшего, из крестьян, б. член ВКП(б) с 1921 г., б. заместитель председателя и ответственный секретарь КОППР'а—в том, что он:

а) пользуясь своим служебным положением, летом 1927 года руководил укрывательством членов шайки Хайсерова в г. Симферополе и способствовал тайному переходу их за границу, в частности, в отсутствие Ибраимова руководил переброской бандитов из пределов Крыма и ездил на Кавказ содействовать успешному переходу бандитов через границу; б) состоя зам. председателя и ответственным секретарем КОППР'а, присвоил и растратил на личные нужды и на поддержку укрывателей шайки—Аджи Абдулла, Мустафы Шевкета, Абибуллы Исмаила, а также скрывающихся бандитов Аджи Эмира и Ахтема Софу, совместно с Ибраимовым, до 37.941 руб. Означенные преступные действия предусмотрены 17, 59³ и 2 ч. 116 ст. ст. УК.

13. Кулянэ Эдем Эмир Асан, 24 л., из крестьян, беспартийный, учитель татарской девятилетки и студент Крымского педагогического института, не судившийся; 14. Мустафа Шевкет, 27 лет, низшего образования, из крестьян, кандидат ВКП(б), б. заведующий Центральным Домом Крестьянина в Симферополе; 15. Желилев Осман, 48 лет, образования низшего, по профессии кустарь-сапожник, б. зав. „Красной кофейней“ в Симферопольском Доме Крестьянина, б. член ВКП(б) с 1927 г., не судившийся; 16. Аджи Абдулла Мемет (Абдулль), 31 г., бывш. приказчик, грамотный, беспартийный, не судившийся, турецко-подданный; 17. Аппазов Абляким, 40 лет, малограмотный, беспартийный, табачный плантатор, не судившийся, и Абибулла Исмаил (Алимка)—обвиняются в том, что они летом 1927 года, зная о целях организации шайки Хайсерова содействовали ей путем сокрытия бандитов, предоставления ей денежных и транспортных средств и способствовали нелегальному переезду бандитов за границу.

В частности:

а) Кулянэ Эдем и Абибулла Исмаил (Алимка)—в течение около 2-х недель в сентябре 1927 г. укрывали бандитов в своих квартирах в г. Симферополе; принимали участие в тайной перевозке бандита Хайсерова из лесов Ялтинского района в Симферополь;

б) Мустафа Шевкет—снабдил Хайсерова подложными документами из числа имевшихся в Доме Крестьянина; в конце сентября 1927 г. ездил на побережье нанимать ялик для переездки бандитов морским путем в Турцию; давал распоряжение о выдаче Аджи Абдулле

Мемету из кассы „Красной кофейни“ через Джелилева Османа денег для отправления бандитов за границу; принимал участие в тайной перевозке бандита Хайсерова из лесов Ялтинского района в г. Симферополь;

в) Джелилев Осман—участвовал во всех совещаниях укрывателей по вопросу о сокрытии и дальнейшей переброске бандитов за границу; совместно с Мустафой Абдуллой ездил на Кавказ содействовать успешному переходу бандитов за границу, помогал Хайсерову скрываться в Симферополе;

г) Аджи Абдулла Мемет—являлся проводником при вывозе бандитов Аджи Эмир Усеина и Ахтема Софу, получив для этой цели от Мустафы Абдуллы 50 руб., неоднократно ездил по заданию Ибраимова в район побережья для подыскания лиц, могущих перевезти бандитов за границу морским путем;

д) Аппазов Абляким—предоставил для тайной перевозки бандитов из Ялтинского района в Симферополь своих лошадей; временно укрывал бандитов в своем доме в деревне Мамут-Султан. Означенные преступные деяния предусмотрены 17 и 59³ ст. ст. Уголовного Кодекса.

Речь общественного обвинителя тов. Чагара

Товарищи судьи! Я, главным образом, буду останавливаться на тех моментах, которые охватывают события приблизительно 26—27 и 28 гг.

Я подробно останавлиюсь на фигуре Вели Ибраимова. Это объясняется тем, что Вели Ибраимов является основной фигурой из всех подсудимых. Его фигура является основной потому, что он был председателем Крымского Центрального Исполнительного Комитета, человеком, которому было доверие в партии, которому доверяло рабоче-крестьянское правительство и Советская власть, которому доверяли трудящиеся слои крестьянства всех национальностей Крымской Республики.

Но Вели Ибраимов в одном лице своим носил это доверие, носил эти задачи, в другом лице у него было совершенно другое, совершенно противоположное. В этом лице были бандитские шайки, которыми он руководил и с которыми имел дело.

Вели Ибраимов вместо того, чтобы сгруппировать вокруг себя беднейшие слои всех национальностей республики, вместо того, чтобы сгруппировать вокруг себя рабочий класс, вместо того, чтобы сгруппировать вокруг себя честных граждан нашей республики, сгруппировать партийцев и комсомольцев, честных и добросовестных людей, вместо того, чтобы руководить и принимать участие в осуществлении возложенных на него задач и оправдать доверие, которое было ему выражено со стороны трудящихся слоев нашей республики, вместо всего этого, он группирует вокруг себя бандитские шайки и действует вопреки доверию, которое было ему оказано.

Мы в наших условиях и нашей социальной обстановке имеем сейчас не так много людей, которые участвовали бы в революционной борьбе против белых и против контр-революции. И вот, Вели Ибраимов, в 27 году, вместе с бандитами и бывшими контр-разведчиками, принимает все меры, использует все для того, чтобы в 27 году уничтожить этих людей, этих революционеров, которых мы имели в Крыму. Вместо того, чтобы ловить бандитов и передать их в руки власти, Вели Ибраимов скрывает их. Эти бандиты в последнее время занимаются грабежами и убийствами, и Вели Ибраимов их скрывает у себя, являясь в то же время официальным лицом, пользующимся доверием и партии, и Советской власти. Вели Ибраимов вместо того, чтобы помочь советским органам вести более успешно борьбу против бандитизма, наоборот, фальшивыми документами вводит в заблуждение органы нашей власти.

Вели Ибраимов вместо того, чтобы правильно и по назначению использовать общественную рабоче-крестьянскую копейку, эти деньги, эти средства направляет на поддержание бандитских шайек, на содержание бандитов, на содержание спекулянтов, на содержание жен своих в Москве и Ялте, на содержание ряда темных лиц, так называемых ответственных работников. Ибраимов не органичивается этим, он использует целый ряд трудностей работы в нашей республике, как национальной. Он делает все возможное, чтобы тормозить наше революционное строительство. Вместо того, чтобы принять все меры для того, чтобы обезоружить бандитов, он снабжает этих бандитов оружием, созывает совещание, скрывает их у себя на квартире, руководит ими, обещает амнистию и принимает все меры для того, чтобы отправить их на Кавказ или за границу.

Ибраимов, вместо того, чтобы поддерживать редких для нас людей, которые являлись истинными революционерами, которые были сознательными людьми,—не оказывает им никакой помощи и направляет из учреждения в учреждение. Вместо того, чтобы поддерживать этих людей, он содержит каких-то темных лиц, бандитскую шайку, выдает по 500—1.000 рублей спекулянтам, отдает этим лицам лошадей, закупленных для крестьян на крестьянские же копейки. Все это он делает для того, чтобы эти люди исполняли его волю, осуществляли его приказания.

Ибраимов являлся председателем Крымского Центрального Исполнительного Комитета, руководителем советской жизни нашей республики. И вместо того, чтобы способствовать выдвижению ряда лиц из трудящихся слоев крестьян коренной национальности и постепенно выжить тот элемент из нашего советского аппарата, который попал туда случайно,—Ибраимов всячески содействует устройству бандитов в Домах Крестьянина в государственном аппарате, посылает бывшего архиерея заведывать хозяйством пионерского лагеря „Артек“.

Растраты, создание бандитской шайки—все это доказывает, что Ибраимов является для нас чуждым элементом.

Ибраимов, вместо того, чтобы сегодня судить эту бандитскую шайку, сам сидит во главе ее на скамье подсудимых. Почему это так? Потому ли, что Ибраимов был не грамотен, некультурным человеком? Я думаю, было бы правильно определение, что все действия и вся работа Ибраимова, как руководителя, как вдохновителя банды, только не трудящихся слоев, не объясняется его некультурностью или неграмотностью.

Можно ли сказать, что на данном процессе решается татарский вопрос? Есть люди, которые пытаются доказать, что данный процесс является процессом, где решается татарский вопрос. Несмотря на то, что эти люди в культурном и политическом отношении достаточно развиты, они отстают в смысле классового самосознания, в смысле правильного понимания обстановки от тех неграмотных трудящихся татар, которые здесь вчера выступали. Вопрос вели-ибра-

имовщины является на 100 проц. классовым и носит исключительно классовый характер, ибо Верховный суд судит тех людей, которые пошли против интересов рабочего класса и интересов трудящихся слоев всех национальностей нашей Крымской республики.

Дело здесь классовое, ибо мы судим тех людей, которые истребляли бедняков-татар. Я считаю, что этого не понимают только те националисты, которые далеко отстали от неграмотных бедняков, выступавших здесь вчера.

Беднота прекрасно понимает, что нельзя личные интересы путать с классовыми вопросами, беднота прекрасно это понимает. А вот Чапчакчи говорит, что для того, чтобы назначить пенсию, нужно, чтобы заявление получило оформление и прошло целый ряд инстанций, но в то же время тот же Чапчакчи способствует выступавшему здесь свидетелю-юристу попасть на государственные средства в Московское пролетарское учебное заведение. А между тем, выступавший здесь юрист—известный борец за националистическую молодежь против комсомола. Для него формальностей нет, а Чолаку пенсии не дали.

Если мы ликвидируем ибраимовщину, то у нас останется еще целый ряд затруднений и нам придется усиленным темпом воспитывать молодежь бедноты в революционном духе. Для этого мы имеем базу. За 8 лет Советской власти мы создали эту базу и ее мы видели здесь на суде. Если мы возьмем допрос Ибраимова—его процесс, то с одной стороны он является крупным событием для Крымской республики, крупным вопросом, непосредственно связанным с национальным. Но, с другой стороны, данный процесс является ничтожным фактом в революционной истории Крымской республики.

Почему это крупный вопрос? Прежде всего потому, что Ибраимов являлся председателем Крымского Исполнительного Комитета, являлся представителем от партии, Советской власти и трудящихся слоев республики. Но, с другой стороны, он являлся руководителем банды и тем самым осуществлением желаний бандитов. Эти две противоположности нельзя совместить, а потому, в этом отношении, дело крупное.

Но в то же время мы говорим, что вопрос этот маленький, маленький потому, что он не является массовым явлением, массовым движением. За Ибраимовым мы имеем 17—20—25 человек, но не больше. Вот почему это ничтожное явление в истории нашей Крымской республики.

Я ставлю вопрос: почему существовала эта грязная история, эта болезнь Крымской республики? На этот вопрос я скажу, и тем самым выражу мнение всех трудящихся слоев Крымской республики, что Советская власть и наша партия, подходя к национальной республике и касаясь национальной жизни страны, очень осторожно подходила к ней. Делала она это правильно. Сегодня мы являемся свидетелями того, когда партия и Советская власть окончательно убедились, что В. Ибраимов не является доверенным лицом трудящихся слоев, а является руководителем бандитской шайки. Я считаю, что процесс должен

являться примером для всех трудящихся нашей республики в дальнейшей работе и в дальнейшем развитии ее. Если возьмем Муслимовский процесс, то по своему существу он явился ареной борьбы двух классов в лице Ибраимова, агентов и компании—с одной стороны, и с другой стороны—в лице Чолака, Сейдаметова и других.

Сегодняшний процесс, по моему мнению, является продолжением процесса Муслимовых, является той же муслимовщиной.

Товарищи судьи! Я думаю, что будет правильно, если я скажу, что все факты, которые имели место в этом процессе, все голоса, которые раздавались через представителей трудящихся слоев, через ряд постановлений, которые мы имеем здесь,—все это говорит о том, что эти преступления с точки зрения пролетарской общественности являются чрезвычайно опасными и недопустимыми и заслуживают самой суровой кары.

Речь государственного обвинителя тов. Фридберга

Перед Верховным судом товарищи, которые работали в Крыму во время революции, изложили ту обстановку, в которой развилось настоящее преступление. Моя задача, как государственного обвинителя, заключается в том, чтобы суммировать все данные предварительного и судебного следствия, суммировать улики против отдельных подсудимых, доказать правильность квалификаций обвинения, дать оценку сидящих на скамье подсудимых,—исходя из необходимости защиты пролетарского государства от всякого социально-опасного посягательства, и предложить Верховному суду назначить ту меру социальной защиты, которая отвечает содеянному каждым.

Прежде всего нужно отметить связь лиц, которые сидят на скамье подсудимых; главарей, которые во всех моментах, во всех эпизодах играли руководящую, господствующую роль.

Вспомните убийство Чолака: В. Ибраимов, Алимка и Факидов.

Нападение на Сейдаметова: В. Ибраимов и Хайсеров.

Организация шайки и организация побегов: Вели Ибраимов, Алимка.

Наконец, растрата: В. Ибраимов и другие.

Разные комбинации из одних и тех же лиц. Но действуют они объединенно. Например, В. Ибраимов и другие—старые друзья. Они действовали вместе и тогда, когда в Крыму шла борьба за Соввласть; тогда, когда, как вы знаете, действовали белогвардейские армии, бандитские шайки, начальником одной из которых был Хайсеров и др., а входили в них Эмир Усеин, Апаз Гжик и др.

В этих же комбинациях они действовали и тогда, когда Соввласть победила, когда они, как бы для защиты Соввласти, вошли в ее органы и, борясь как бы за нее, в действительности истребляли бедноту. Это обстоятельство дает право утверждать, что все их действия исторически связаны между собой, что мы имеем перед собой не отдельные эпизоды, не отдельные преступления, а единую цепь, где главные лица подкрепляются новыми лицами, и где преступления преследуют единую цель, направленную против бедняков. Когда мы ближе подойдем к настоящему делу, то будет более ясным то, что казалось неясным. Когда посмотрим на то, как действовали главные обвиняемые, как они защищались на суде, то увидим, что методы борьбы и на предварительном следствии, и на судебном следствии—были методами борьбы политической.

В качестве главной защиты, у обвиняемого Ибраимова был обман партии, было желание дискредитировать те органы, которые ведут борьбу с контр-революцией. Знаменитое письмо Никифорова является методом борьбы явно политическим. Те методы, которыми он действовал, и люди, с которыми он был связан, доказывают, что мы имеем политическое, объективно контр-революционное преступление. Председатель КрымЦИК'а, член правительства, член ВЦИК, человек, входящий в правительство Союза, если он совершает действия, которые совершил Ибраимов, может ли он быть иначе квалифицирован, как контр-революционер? Это не только верно по существу, но и по юридической квалификации.

Контр-революционными преступлениями являются действия, которые ведут к подрыву Советской власти, особенно в национальных республиках, где Советская власть внедрилась позже, где, кроме классовых противоречий, существуют и действуют вопросы национальные. Можно ли отделить действия остальных участников преступлений от действия председателя? Лишь для немногих можно; для большинства — нельзя.

Еще один момент, который указывает, что мы имеем контр-революционную деятельность. Неоднократно и председательствующий, и судьи, и товарищи, сидящие за столом обвинения, и даже защитники как бы удивлялись и спрашивали Вели Ибраимова: как вы решились, будучи председателем ЦИК'а, посвящать в свои преступные действия тех, кто сидит рядом с вами, кто как будто ничего общего с вами не имеет?

Но решительно все указывает на то, что большинство сидящих на скамье подсудимых были его единомышленниками. С 1920 г. он связан с ними. В 1927 г. они творили те же безобразные дела, что творили и несколько лет тому назад. Они его знают, он их знает. Секретов между ними быть не может. Все это доказывает, что они идеологически связаны между собой. Спустившись с гор, они принесли те методы борьбы и те идеи, которые руководили ими в то время, когда они ушли в горы. Идеино они не разоружились.

Дальше: почему Ибраимов, признавший ряд преступлений — убийство Чолака, сокрытие Хайсерова, так упорно отпирался и отпирается от ряда других преступлений. Тот, кто знаком с делом, знает, что к своему сознанию он пришел не добровольно, а припираемый уликами, фактами. Под бременем улик он должен был сознаться. Когда факты были налицо, он говорил только одно: „я не виноват, но доказательств против того, что вы предъявляете мне, у меня нет“. Есть знаменитая стенограмма, когда товарищи отв. партийцы хотели товарищеским путем подойти к Ибраимову, чтобы выяснить, нет ли тут случайной, непоправимой ошибки. Вышла такая история: член ЦИК'а, член партии, член ОК ВКП(б) — перед своими старшими товарищами отрицал все. Получилась странная картина, что руководящие партийные органы представление о деятельности члена партии получили не от членов партии, а от тех, кто чужд партии. Только тогда Ибраимов сознался,

когда позади него образовалась пропасть и дальше отступать было некуда. Почему он не сознается в других преступлениях? Почему он говорит: если я не сознаюсь, — значит, этого не было. Он не сознается не потому, что боится большего наказания, но потому, что сознание привело бы к тому, что бесспорно было бы доказано, что существовала шайка, давно действовавшая и по своим действиям контр-революционная. Он хочет представить убийство Чолака, сокрытие Хайсерова, как отдельные эпизоды, в которые он был втянут, чуть не случайные. Он боится сознаться в том, что шайкой было организовано покушение, что он тратил КОППР'ские деньги на бандитов, потому что это было бы признанием в контр-революционных действиях. Этого он боится. Его больше всего страшит, чтобы в его действиях не было установлено политических признаков. Он предпочитает явиться уголовным бандитом; но мы докажем, что он политический бандит—контр-революционер.

Еще один метод, который является средством защиты Ибраимова. Это—его отмежевание себя от Хайсерова. Отделиться от Хайсерова — значит отделиться от контр-революции. Потому-то он отпирается от него. Хайсеров — его любимый сын, которого он призвал в тройку для борьбы с беднотой. Все эти обстоятельства подводят нас вплотную к убеждению, что мы имеем объективно контр-революционные преступления, которыми руководили Хайсеров и Ибраимов.

Каковы были роли среди шайки преступников? Кто там главенствовал? Ибраимов хотел доказать, что он не знает, как случилось, что сначала он руководил своим другом, а потом другие нажали и руководство выскользнуло из его рук. Но руководства из своих рук он не выпускал!

Разве могло перейти руководство к Факидову—контрабандисту? К Алимке — местному торговцу, мяснику, или к кому-либо другому? Кто мог им руководить? Руководство этой шайкой лежало на Хайсерове и Вели Ибраимове. Никто другой ими не руководил, как бы велика ни была роль отдельных лиц.

Непосредственное руководство лежало также на постоянном заместителе Ибраимова по советской и общественной линии Мустафе Абдулла. Он был заместителем пред. КрымЦИК'а, он был фактическим заместителем в КОППР'е и фактическим заместителем при организации сокрытия Хайсерова. Вот те основные и главные персонажи, которые находятся на авансцене, и вот на ком должен быть сосредоточен удар.

Разрешите теперь перейти к отдельным эпизодам преступлений в том хронологическом порядке, в каком они изложены в обвинительном заключении.

Покушение на Сейдаметова. Чем является это покушение? Актом политическим, актом террористическим, или просто дракой, как нежно и мягко выражался здесь Вели Ибраимов? Если Сейдаметов говорил на собраниях то, что он говорил здесь, то это обозначало, что он изобличал Хайсерова и Ибраимова в их контр-

революционной деятельности, и Вели Ибраимову и Хайсерову нужно было бороться против него. В этой борьбе было два пути: 1) сказать, что Сейдаметов нагло лжет, что Сейдаметов—клеветник, что он говорит неправду, или 2) чувствуя, что он говорит правду, совершить против него террористический акт. Почему Вели Ибраимов—человек значительной силы и высокого положения в Крымской республике—не пошел по пути легальной борьбы? Потому что начало легальной борьбы с Сейдаметовым обозначало необходимость разоблачения Хайсерова. Сейдаметов бы не смолчал, если бы его взяли и посадили в тюрьму рукой Вели Ибраимова. Он поднял бы вопрос о Хайсерове и, поднявши этот вопрос, он раскрыл бы и деятельность Вели Ибраимова. Вот почему, имея силы для легальной борьбы с Сейдаметовым, он на эту борьбу не решился и не мог решиться, потому что это означало бы его окончательное поражение и разоблачение. Поэтому им был избран другой план, план уничтожения Сейдаметова.

Как подготовлялось это покушение? Сначала к этому привлекались Чолбаш и Аппаз Гжик—верные люди, давно работавшие с Вели Ибраимовым. Они, не стесняясь присутствия Эмир Усеина, вели разговор о нападении. Но эта комбинация, по неизвестным нам причинам, на удалась. Создается другая комбинация—террористический акт, во главе которого становится сам Хайсеров—знаток этого дела, спец этого дела. Он является в Ялту, является в Дом Крестьянина, который на ряду со своей основной ролью исполнял своеобразную роль штаба хайсеровских бандитов. Кто там находится—в Доме Крестьянина? Там находится Аппаз Гжик, а внизу в доме, в скромной роли продавца кооперативного овса, сидит Эмир Усеин. Личная связь: Эмир Усеин—бандит, ближайший родственник Хайсерова, он же является ближайшим помощником в организации покушения на убийство Сейдаметова. То, что это так, доказывает дальнейшее: торговля овсом кончается в 6 часов. Эмир Усеин уезжает или уходит к себе в деревню. Покушение на Сейдаметова совершается приблизительно в 10 часов вечера, а на следующий день он уже скрылся. Каким образом, каким способом, если он не участвовал в этом преступлении, он узнал об этом? Каким путем, каким способом, если он не участвовал в этом преступлении, он узнал о том, что Сейдаметов не добит, что Сейдаметов жив? Только участвуя в этом преступлении и зная, что Сейдаметов не добит, он решил, что надо удирать, и вместе с Хайсеровым они удрали.

Следующая улика: когда они вынуждены были спуститься с гор и скрываться, они скрывались двумя группами: отдельно, как вожак и как подобает вожаку, на автомобиле КрымЦИК'а уехал Хайсеров; на скромном аблякимовском дилижансе последовали остальные преступники, бандиты. И вот те, кто непосредственно принимал участие в покушении на Сейдаметова—Эмир Усеин и Ахтем Софу, поселяются у Алимки. Почему? Это было после убийства Чолака, когда Алимка был замешан в преступлении Вели Ибраимова. Конечно, дом Алимки был наиболее надежным местом. Этих двух там поместили.

Вот те доказательства, которые приводят меня к убеждению в том, что в покушении на Сейдаметова принимали участие Эмир Усеин — бывший контр-разведчик, ближайший друг и родственник Хайсерова. Он здесь был достаточно изобличен в своей прошлой деятельности, и думаю, что его социальная опасность и его фактическое участие в этом преступлении — являются вне сомнения. Если мы вспомним, что Сейдаметов здесь показал, что в этом преступлении принимали участие 2—3 человека, то это показание совпадает как раз с той картиной, что сейчас мне представляется. В этом преступлении принимали участие три человека: Амет Хайсеров, Эмир Усеин и Ахтем Софу. Поэтому от обвинения в убийстве других, кому оно предъявлено по обвинительному заключению, нужно совсем отказаться, так как здесь Сейдаметов совершенно определенно заявил, что он никого больше не опознал и никаких других улик против них нет.

К этому же преступлению причастны еще два человека: Чолбаш и Аппаз Гжик. Наш закон карает лиц, которые не донесли о достоверно известном им приготовлении к покушению или совершенном контр-революционном преступлении. Поскольку Вели Ибраимову вменяется в вину организация покушения на Сейдаметова, как контр-революционное преступление, по 58 ст., постольку совершенно ясно, что эти два человека: Чолбаш и Аппаз должны отвечать за это преступление, по 58¹² ст., ибо они знали, что это преступление готовится.

Покушение на Сейдаметова с точки зрения юридической замечательно тем, что оно является моментом начала организации банды. Когда в дальнейшем я буду доказывать, что мы имеем организованную банду, и когда коснусь начала ее организации и цели ее, то будет видно, что организация совпадает с моментом покушения, и станет ясно, что цель этой банды — покушение на Сейдаметова. В покушении принимали участие три лица: Хайсеров, Эмир Усеин и Ахтем Зеленый (он же Ахтем Софу). Они были основным ядром.

Вслед за покушением на Сейдаметова идет убийство Чолака. В борьбе с Чолаком Ибраимов мог действовать так же, как и в борьбе против Сейдаметова: либо Чолака нужно было убрать, либо бороться с ним легальным путем. Бороться легальным путем — значит упереться в неизбежность разоблачения Хайсерова, а разоблачить Хайсерова — значит разоблачить себя.

На этот раз правая рука Ибраимова — Хайсеров — скрывался. Столь ответственную задачу нужно было поручить столь же ответственному работнику, — и вот убить человека взял на себя председатель КрымЦИК'а Ибраимов. Не внезапно у него созрела мысль убить Чолака, так как в деле нет никаких указаний, что это было сделано в невменяемом состоянии, или же что он не отдавал себе ни в чем отчета. То, что он не отдавал себе отчета и очнулся только тогда, когда очутился в тюрьме, это неправда. Это уже не политическая защита, а чисто бандитская, воровская.

12-го июля прошлого года Чолак пришел на прием к председателю КрымЦИК'а Ибраимову, о чем свидетельствует собственноручная

подпись Ибраимова—„направить на распоряжение“ на одном из многочисленных ходатайств Чолака. Правда, Ибраимов доказывал, что 12-го июля он не был в Симферополе и находился в командировке, но по резолюции и выписке из дел КрымЦИК'а, которая имеется у нас на руках, видно, что в это время Ибраимов был в Симферополе.

Затем, по невыясненным причинам и по неясным объяснениям Ибраимова, Чолак обращается к Ибраимову с просьбой дать ему фотографическую карточку. Ибраимов согласился и тут же воспользовался этим, чтобы заманить Чолака. В это время на квартире Ибраимова никого не было. Было там нужное ему лицо—контрабандист Факидов.

Чолак предчувствовал возможность, что с ним может случиться что-либо недоброе, а потому, увидев часового, он сказал ему, что если с ним случится что-нибудь, „то пойди в ГПУ и скажи, что я пошел к председателю КрымЦИК'а“. Хороши нравы. Идет бедняк-крестьянин к председателю ЦИК'а и думает, что может случиться „что-то недоброе“.

Примерно, через несколько минут (10—15) он уже был убит,— и вот теперь, когда обсуждаются мотивы убийства, явилось ли оно случайным, совершенным взволнованным человеком, неповинным в злом умысле, то мы не имеем ни одного момента, который бы говорил, что убийство произошло случайно. Оно было строго обдуманно и организовано проделано. Я задал Ибраимову вопрос, был ли у него разговор с Чолаком на квартире, который взволновал бы его? На это он мне ответил: „нет“.

Каким образом человек, который пришел по его зову на его квартиру, через 10 минут был убит, был задушен собственными руками Ибраимова? Наивное, лживое и бесчестное объяснение дает Вели Ибраимов, говоря, что Факидов предложил ему его убить. Когда мы, роясь в его объяснениях, ищем в них хоть каплю логики, мы становимся втупик. Какие основания были у Факидова предложить Ибраимову убить Чолака? Какое он имел право это сделать? Какая близость была между ними, чтобы Факидов-контрабандист предложил Ибраимову совершить преступление? Вели Ибраимов спрятал контрабандиста и контрабандист помог ему за это убить того, кого он ненавидел. Поэтому нелепо объяснение Факидова, что он не участвовал в этом убийстве, что он был за несколько комнат и что Вели Ибраимов вышел к нему просить его перенести труп в соседнюю комнату, что Ибраимов обратился к нему тогда, когда труп Чолака нужно было лишь вынести. Если бы Ибраимову нужна была только помощь Факидова вынести труп, если бы Факидов не был своим человеком, не был его единомышленником,—он не посмел бы создать такого опасного свидетеля, каким являлся Факидов.

Мы не хотим восстанавливать детальной картины убийства Чолака. Для нас доказано, что это убийство совершено двумя—Факидовым и Ибраимовым. В квартире Ибраимова убийство предумышленно организовано вплоть до того, что был подготовлен войлок, чтобы завязать голову Чолака и не оставлять следов крови на полу. Верховный суд может удостовериться, что этот кусок войлока явился обрывком от того

войлока, который находился в подвале этого дома. В таком серьезном деле, как убийство, надо все предусмотреть своевременно; надо спуститься в подвал, чтобы достать кусок войлока, чтобы кровь не протекала. Надо скрыть следы преступления. Все это было организовано хорошо.

Мне кажется, что тут произошла маленькая неудача. Для скрытия было предназначено другое лицо, более смелое, более хладнокровное и опытное. Это—Чолбаш. Он бы скрыл так, чтобы не нашли. А когда Ибраимов пошел за Чолбашем, Факидов, оставшись один с трупом, струсил и тоже пошел. Когда Чолбаша не оказалось, Ибраимов пошел в резерв за Алимкой. Алимке было поручено скрыть труп Чолака. Они это сделали очень неумело, поспешно: выбросили недалеко от города и наспех закопали.

Когда было раскрыто преступление, кто первым сдался? Мягкотелый Алимка. Он признался. Факидов его пугал. Факидов, сидя в ГПУ, сказал ему: если тебе пригрозят бросить в колодец,—не говори! Когда задал ему вопрос следователь по делу об убийстве, то он задрожал и побледнел. Но, возвратясь в камеру, он имел мужество требовать, чтобы Алимка не сдавался: может быть, удастся ускользнуть. Но когда они были окружены уликами, им пришлось сдаться, они раскрыли всю картину убийства, и только Ибраимов имел „мужество“ отрицать. В конце-концов, под тяжестью улик, он тоже признался, и сейчас как-то вызывающе с бравадой говорит перед судом: „Я сделал, я признаюсь“.

Вы, Ибраимов, признались тогда, когда не могли не признаться. Вы признались тогда, когда ваше признание не имело никакого значения. Вы признались тогда, когда следственные власти, которые вели дело, видели кровь Чолака, и когда ваше участие было доказано, когда в этом не было никакого сомнения.

Было доказано документальными данными, что в то время, когда Хайсеров защищал власть белых, Чолак сражался против него. Когда Хайсеров—любимый сын Ибраимова—совершал расправу, совершал бесчинства над беднотой, крестьянин Чолак сражался против него. Он был ранен, у него были выбиты зубы. Случайно спасшись от смерти, он не угасил своего революционного духа. Он потерял настолько свою трудоспособность, что казалось, что это был не 40-летний мужчина, а 60-летний старик. Один из народных комиссаров, который призван защищать и охранять народное здравие, нашел нужным сказать, „что Чолак не прошел всех комиссий; еще не все бумажки подписаны, чтобы оказать ему помощь“. Вот характеристика Чолака. Личность его вне всяких сомнений. Его незаметное геройство присуще всему рабочему классу, всему революционному крестьянству. Оно проявилось с совершенной полнотой. А некоторые наркомы считают, что надо обладать еще какой-то особенной скромностью. Когда тебе выбивают зубы, когда тебе не дают хлеба, то ты должен кротко ждать, когда обнаружится обидчик и найдет свое возмездие. Этому народному комиссару надо сказать, что нам нужны революционные комиссары,

а не толстовцы. Я думаю, что, с точки зрения юридической, убийство Чолака не оставляет никаких сомнений в своей квалификации. Здесь налицо 58^я ст. У. К.

А как же Факидов и Алимка, какую бы статью они хотели иметь? Ведь они хотят от этой статьи уйти, они предпочитают 136 статью. 136 статья по данному делу имеет значительные преимущества, по ней нельзя расстрелять. А правильно ли, верно ли, что они имеют право на эту 136 статью? По-моему, никакого права, никакого основания на 136 статью они не имеют, как бы они за нее ни цеплялись и к ней ни тянулись. Мы ее им не дадим. И вот почему. Факидов знал взаимоотношения Вели Ибраимова с Чолаком. Факидов знал их политическую вражду, он знал, зачем Ибраимов убил Чолака. И Факидов способствовал этому убийству. Совершенно сознательно способствовал. Он знал цели и мотивы, знал, на кого покушается. Из этой стальной хватки Факидову нельзя вырваться.

Теперь—Алимка. Если бы он был случайно подвернувшимся подводчиком, скромно стоящим на бирже, и с одинаковым усердием возил и живых, и мертвых, как это он и делал, то, пожалуй, можно было бы говорить, что ему подходяща 136 статья. Но, если мы вспомним, что Алимка давно знал Ибраимова, когда он был еще торговцем, в дореволюционное время, а Ибраимов был кофейщиком, когда торговля соединяла их и когда революция одного вознесла высоко, а другой остался на том же месте, то получается уже другое. Если бы не было этих дружеских посещений, не было бы такого демократизма председателя ЦИК'а, когда он обедает вместе с торговцами, когда Ибраимов идет к Алимке, и Алимка случайно или не случайно скрывает бандитов, если бы Алимка не ездил на ЦИК'овском автомобиле за Хайсеровым, если бы Алимка не увозил сообщников Хайсера и т. д., тогда, может быть, мы согласились бы дать ему 136 статью. Но поскольку он является крепким звеном во всех событиях и преступлениях, поскольку он является участником в контр-революционных выступлениях,—мы 136 статью ему не дадим. Он получит ту же 58^ю статью.

Вот персонажи, вот роли, мотивы преступления. Убийство Чолака, неудачное покушение на Сейдаметова разоблачили Хайсера, Ибраимова и других. Человек, с которым они боролись, который был им страшен, потому что мог разоблачить Ибраимова, этот человек, к „несчастью“, остался жить. Нужно было принять самые срочные меры для того, чтобы спастись. Это первоначальное ядро банды уходит в горы. К ним примыкает целый ряд людей, которые как-будто бы к ним никакого отношения не имеют. Этих людей нужно разделить на две категории: трое из них—Меджитов, Шпан Садык, Эмир Усеин. Остальные: Меджитов Мустафа, Осман Курт Сеит, Чирчи примыкают к этой шайке. На первый взгляд кажется: зачем они должны были примкнуть? Тут нужно решительно этих людей разделить на две части: Меджитов Мустафа, Сейдали Мемет и Осман Курт Сеит. Они не виноваты в этом деле. От обвинения их в преступлениях я отказываюсь. Эти лица

случайно были втянуты в этот водоворот. Зато другие, именно: Меджитов, Шпан Садык, были новыми силами. Это была „масса“, на которую должно было опереться ядро шайки.

Какой смысл и назначение этой шайки?—Эта шайка организовала покушение на Сейдаметова и неудачно его совершила. Это—раз. Они увеличивали свой активный состав для того, чтобы противодействовать в случае нападения на них, в случае попытки насильственного их задержания. Таким образом, первоначальный момент организации шайки диктовался необходимостью покушения на Сейдаметова. Дальнейший рост и увеличение диктовались необходимостью усилить активные силы для того, чтобы бороться против возможного нападения и захвата. Не случайными людьми в этой шайке были Садык Шпан и Меджитов. Они пришли сюда сами. Это были люди, о которых мы слышали, что они рубили руки, сожгли автомобиль и натерли керосином ноги шоферу. Это были люди, связанные прошлой своей деятельностью. Люди, на которых можно было опереться. Это — были свои люди.

Наш закон говорит, что банда должна быть вооруженной. Да, она была вооружена. Прежде всего, она была вооружена парабеллумом, который был найден у Ахтем Софу, который был прислан из Симферополя. Шайка была вооружена оружием, которое лежит на столе вещественных доказательств и которое было найдено в пещере, около виноградника убитого Софу. Нигде и ни в каком законе не сказано, что все оружие бандиты обязаны таскать на себе. Это просто было не нужно и нецелесообразно. Они были вооружены на случай надобности.

Мы имеем улики не косвенные, а прямые, того, что Ибраимов поддерживал эту шайку, поддерживал морально, когда говорил: „Я о вас забочусь, в надлежащих инстанциях я поставлю вопрос об амнистии“; поддерживал материально, посылая деньги, о чем свидетельствовал Шпан Садык и другие; поддерживал оружием, что доказывает найденный у Ахтема парабеллум, принадлежащий Ибраимову, хотя претендентом на него является и Мустафа Абдулла. Я думаю, приговор и жесткий приговор может помирить их претензии на право собственности на револьвер. Шайка держала регулярную связь, она не отрывалась от базы, а база была в квартире Ибраимова.

В Симферополь приезжал Ахтем Софу, вел переговоры с Вели Ибраимовым, получал директивы, а, главное, обещания, что все в ближайшее время уладится. Прикосновенность, руководство, снабжение, поддержка этой шайки Вели Ибраимовым совершенно бесспорны. Скажите, если председатель ЦИК'а Крымской автономной республики широко поддерживает бандитов деньгами, а также своим авторитетом,—является это контр-революционным преступлением или нет? Входит ли это в общее звено контр-революционных действий? Я думаю, ни один мудрый юрист не станет отрицать этого положения.

Так или иначе, обстоятельства вынуждали ликвидировать эту шайку. Настал момент демобилизации шайки. Сначала организовали побег Хайсорова в Симферополь. К этому делу, как это ни странно, почему-то

привлекаются люди, имеющие близкое отношение к Наркомпросу: учитель Кулянэ, заведывающий детдомом Абда.Тулеев. Как будто бы в этом деле ничего воспитательного, ничего просветительного нет! Через Кулянэ устанавливается связь с Хайсеровым. Кулянэ договаривается с Хайсеровым, когда он приедет за ним. Характерно то, как Вели Ибраимов, формально находящийся в партии, бывший председателем Кр.ЦИК'а, доверял такое дело простым бандитам и боялся всякого прикосновения к коммунистам. Шофер у него был коммунистом. Он шоферу не доверял и не стеснялся прямо сказать Кулянэ, что, мол, у него шофер партийный и он ему не доверяет.

Скрывал он Хайсерову у себя в квартире. В надежной квартире нужно было укрыть и остальных бандитов. Нужно было укрыть потому, что, с одной стороны, оставлять их здесь было опасно, с другой стороны, они сами напирали, сами требовали, чтобы их увезли, чтобы их скрыли. Заведывающий детдомом, мясник, учитель — предоставили для этого свои квартиры. Местный кулак Аппазов, представивший здесь справку от сельсовета о том, что у него всего одна корова, одна лошадь и 30 барашков, дал своих лошадей. И вот этот кулак предоставляет свою подводку и свое помещение, где эти бандиты ночевали. Потом он их доставил в город. В этой организации принимали участие все близкие Ибраимову люди, все интересовались этим, все сочувствовали, все волновались. Все забыли про свои дела, бегали друг к другу и спрашивали, есть ли надежда на то, что Хайсеров выедет. Бывший Наркомюст Ногаев, не имея возможности как-нибудь иначе участвовать, давал хорошие советы по сокрытию преступления. Мобилизовались решительно все силы. Секретарь КОППР'а, находившийся не в ладах с секретарем Кр.ЦИК'а, искал автомобиль через каких-то других людей, и все-таки решили, что в отсутствии Вели Ибраимова опасно его вывозить. В. Ибраимов был в это время на сессии ВЦИК'а и все ждали его возвращения, и вот, в течение полутора месяцев, бандит, белогвардеец, служивший в контр-разведке, расстреливавший рабочих, крестьян и коммунистов, покушавшийся на Сейдаметова, нашел место где укрыться, — в квартире председателя Кр.ЦИК'а Вели Ибраимова. С женой председателя ЦИК'а под руку, сопровождаемый самим председателем ЦИК'а, Хайсеров вышел. Предварительно Вели Ибраимов вышел на улицу и посмотрел, нет ли слежки. Она не была установлена и путь был свободен, семафор открыт. Он был посажен на линейку и скрылся.

Менее удачно произошел побег других обвиняемых. Для побега других участников банды привлекались разные люди. Не жалели средств. Личное участие В. Ибраимова было также необходимо. Здесь предполагался морской путь. Свидетель рыбак Кадыр говорил, что его два раза вызывали из Севастополя, что он вел переговоры с Вели Ибраимовым, что он отговаривался под всякими предлогами, так как понимал, что это незаконно. Он — бедный человек — не мог на это решиться. Наконец, решили отправить других, — сначала на Кавказ, сделав их фруктовщиками. Дали им сопровождающего Абдуллу, специа-

листа по фруктовой части, который отправился вместе с ними. Принятыми мерами часть была ликвидирована на ст. Синельниково, а часть в гор. Гори.

Я хочу здесь остановиться на двух участниках (я о них еще не упоминал и боюсь, что они думают, что я забыл их), это Мустафа Абдулла и Шевкет Мустафа. Это—не бандиты, а люди, к сожалению, сумевшие пройти к нам в партию.

Мустафа Абдулла искренне или нет, не знаю, доказывал всяческими путями, что он ничего не знал. Он участвовал в совещании в выработке плана, он давал деньги и, наконец, он являлся главным лицом по организации отправки банды на Кавказ. Он рассказывал здесь нам сказки, которым не поверят не только пионеры, но даже и октябрята. Он рассказывал нам, взрослым людям, что поездка его на Кавказ, в Баку была случайной и совершенно он случайно поехал „прогуляться“ в Кисловодск как раз в то время, когда уехала шайка бандитов.

Также „случайно“ заехал он к свояченице, которая удачно к этому времени заболела. Также удачно Джелиль Осман поехал тоже на Кавказ, где у него оказались родители; находясь в дружеских отношениях с Мустафой, он решил сопровождать его. Почему они вернулись? Да потому, как проговорился Мустафа, он заметил еще в Синельниково, что за ним следят. Он совершенно правильно поступил и не поехал в Гори, где были задержаны остальные лица шайки. Что он имел связь с этой бандой,—видно из показаний Абдуллы, который обратился к Мустафе и тот дал ему 50 р. из кассы КОППР'а.

Все это с несомненностью указывает, что Мустафа играл не последнюю роль в этом деле и является одним из организаторов его. На следствии, да и на суде, он не отказывался. Он говорил, что, когда Ибраимов уезжал в Ленинград на сессию ЦИК'а, то Мустафа в его отсутствии распоряжался всем и полностью заменял Ибраимова как по делам КОППР'а, так и по подготовке к сокрытию шайки. И эта забота целиком и полностью лежала на нем.

Теперь Шевкет. Шевкет не сознается ни в чем. Когда он давал показания, то был чрезвычайно недоволен и сердился, что его причисляют „к их компании“. Он считает себя лучше и честнее; но его копеечка тоже не щербата. Шевкет снабжал документами. У него было небольшое домашнее паспортное бюро. Шевкет снабжал деньгами, присутствовал при переговорах с турком Кадырем. „Документы он дал, но не знал, зачем председателю КрымЦИК'а понадобилось 2—3 документа для лиц 33-х—35-ти лет“. Нам нет основания не доверять Ибраимову и думать, что, по каким-то соображениям, он топит Шевкета. В этом нет никакого смысла. Для Ибраимова этот вопрос—мелочной. У него за плечами находится удушенный Чолак, 37 тыс. руб. растраты и еще другие преступления; но для Шевкета—это большое преступление. И эти документы тянут его к 59³ ст.

Совершенно ясно, что он знал, что документы нужны для Хайсера, так как подобрать только для человека 35-ти лет нельзя. Ведь

есть и блондины, и брюнеты, и высокие, и маленькие. И Шевкет справился со своей задачей: он подобрал документы.

Присутствовал ли Шевкет при разговоре Ибраимова с Кадырем? Да, присутствовал. Это утверждает Кадыр. Какая надобность Кадырю оговорить Шевкета? Для чего ему это? Совершенно верно говорил председательствующий на процессе тов. Сольц, когда заявил, что „в жизни так не бывает“. Если Ибраимов хотел поговорить один на один, то в Доме Крестьянина он мог бы найти свободную комнату и поговорить без Шевкета. Зачем ему было говорить в его присутствии? Да потому, что он не стеснялся своего единомышленника. Вы, Шевкет, должны честно сознаться, что участвовали в этом деле, что вы доставали документы для Хайсерова, что вы знали о переговорах Ибраимова с Кадырем и знали о побеге его морским путем из Симферополя в Турцию.

Итак, вы были причастны к сокрытию шайки и к бегству этой шайки. Каждый из сидящих на скамье подсудимых играл свою роль, а потому и должен будет должным образом ответить.

Следующий эпизод—растрата. Растрата эта—не обычная. Мы знаем случайные растраты. Мы знаем злостные растраты. Но это—политическая растрата, ибо я не сомневаюсь, что Мустафа Абдулла брал деньги не только на личные нужды.

Не знаю, как Вели Ибраимов. Он сам признает, что израсходовал те или иные суммы на себя, что, главным образом, КОППР'овские деньги шли на их преступные надобности. Возьмите самую постановку дела в КОППР'е. Какая-то своеобразная бухгалтерия! Таких бухгалтеров я никогда не видал. Они существовали в гоголевские времена. Десятки тысяч рублей отмечаются в книге, которая здесь фигурировала. Когда нужно из 14 тысяч сделать 1.400, то это делается очень просто и легко: из ноля переделывается буква „р“. Когда оказывается, что 1400 руб. тоже нужно куда-нибудь девать, то делается еще проще: на правой стороне пишут „ошибочно внесены“. Действительно, эти деньги они хотели занести в свои карманы, и эту ошибку они хотели исправить.

Я спрашиваю, где находилась касса КОППР'а. Оказывается, были две кассы: одна в кармане Ибраимова, а другая в кармане Мустафы. Действительно, в одном кармане опасно носить; могут исчезнуть все деньги. Поэтому надо разложить их в два кармана. Так безопаснее.

Кто имел право получать деньги—Ибраимов или Мустафа? Где у них был президиум? Он два года не созывался. И вот, при почетном председателе был безотчетный секретарь. На счастье, выпала лимонная операция. Этим делом приличнее заниматься Абдулле, но т. к. это дело выгодное, то им занялся Мустафа. Получили лимоны, продали их. Написали рапорт, что деньги надо выдать. Когда им нужно было получить 14000 руб.,—это не так формально вышло, как тогда, когда нужно было Чолаку получить. Зачем здесь бюрократизм? Нужно 14.000—получи, нужно 7.000—получи! Надо исправление сделать—можно! Так велось хозяйство в КОППР'е. Это—организация

помощи переселенцам и расселенцам. В число переселенцев и расселенцев попал такой переселенец, как Алимolaев, который переселяется из Москвы в Крым и обратно, получает деньги в КОППР'е на свои спекулятивные нужды. Когда бедняки-крестьяне получали из КОППР'а лошадей, то одним из таких крестьян оказался Алимка, который тоже заявил свое право на лошадь. Вот система хозяйствования в КОППР'е. Здесь тов. Сольц говорил: „как же вы все делали без документов, как же вы все это так неофициально?“ Тов. Сольц, когда люди душат, когда они убивают, то до документов ли им? Это люди, которые чувствуют, что все находится в их собственных руках. Зачем тут документы! Без документов они сами себя проверяли. Но тут есть и другая сторона — сторона не столь безобидная, как бы это ни казалось. Это — записочки, по которым выдавались деньги. Выдавались деньги по записочкам, как объяснял Ибраимов; выдавались они ответственным работникам. Эти выдачи по запискам имеют чрезвычайное значение. Ведь это подкуп. Ведь это создание своих людей. Ногаев тоже получил 100 руб. Как же он мог отказаться от участия в совете по бегству Хайсерова. Это у них была система, это было создание обстановки, которая благоприятствовала их деятельности, объединенной деятельности. Это — не записки просто. По таким запискам не выдавались деньги Чолаку, а выдавались людям, таким, которыми надо было окружить себя для того, чтобы опереться на них. Вот для чего выдавались по запискам деньги.

Тут необходимо остановиться на Мустафе. В КОППР'е — Мустафа занимал положение такое же, как и Ибраимов. Для нас ясно, что Мустафа украл не один десяток тысяч казенных денег; для нас ясно, что Мустафа стремился спрятаться за спину Ибраимова, за его подпись, за его чеки и т. д. Вы, Мустафа, стремились все использовать: вы стремились использовать президиум, который не занимается делами, вы стремились использовать Ибраимова, стремились использовать и очень удачно нечеткость в нашем аппарате. Экспертиза дала заключение о нецелесообразности лимонной операции. Вы затеяли лимонную операцию, получили бумаги, взяли деньги, проехали суточные, продали государственным и общественным учреждениям лимоны. Этой своеобразной спекулятивной сделкой вы обманули государственные учреждения. Он, Мустафа, увидел, что это — источник пополнения средств не только для КОППР'а, но, главным образом, для него, и лимонная операция досталась ему не кисло. Когда он к рапорту подложил вексель, который не имел никакого отношения к этому делу, то ясно было, что это оформление действий продувного проходимца. Мустафа Абдулла является и злостным и политическим растратчиком. Для того, чтобы самому пожить общественными деньгами, он снабжал ими и бандитов. Он дал Хайсерову 30 руб. и т. д.

Товарищи, вот те эпизоды, которые, мне кажется, поскольку я мог, я связал для того, чтобы указать, что это — действие одной идеологически сплоченной группы лиц. Каждый из них отдельно был обрисован общественным обвинителем, а потому я не буду повто-

ряться. Все это создает уверенность и доказывает, что мы имеем контр-революционные преступления.

Теперь перейду к вопросу об ответственности каждого из обвиняемых. Наш суд в первую очередь и всегда должен помнить о безопасности и охране диктатуры пролетариата. Мы всегда исключительно должны помнить об охране нашего государства, власти советов, об охране интересов масс трудящихся, рабочих, беднейшего и середняцкого крестьянства, и потому здесь мы должны быть жесткими, мы должны помнить, что неправильно проведенная—злым умыслом или без злого умысла—амнистия 1921 г. показала, что ряд амнистированных лиц не отреклись от своих действий; они подчеркнули и доказали, что их социальная опасность чрезвычайно велика, что мы должны охранять государство.

Во время предварительного следствия, во время судебного следствия, размышляя о личности и роли Ибраимова, я стремился найти хотя бы одну черту, один момент, одно обстоятельство, которое бы указало на возможность смягчения, объяснения причин его действий. Этого я не нашел. Обращаясь к мере социальной защиты, учитывая его социальную опасность,—что мы можем сказать? Что может быть опаснее, чем человек, который был властью рабочих и крестьян возведен на самую высокую ступень правления? Был введен в правительство, получил величайшую власть, величайшее доверие и нагло, беззастенчиво, преступно обманул это доверие! Который проделал все в интересах небольшой кучки бандитов.

Обращаясь к мере социальной защиты по отношению к В. Ибраимову, я не мыслю другой меры—как расстрел, ибо если бы мы нашли для него другую меру социальной защиты, то должны были бы признать, что из нашего кодекса расстрел нужно вычеркнуть совершенно. Те, кто идут заодно с ним, те, кто являются такими же социально опасными, должны быть подвергнуты той же мере социальной защиты. Относительно тех лиц, которые показали свою неискоренимость, я не колебался. Сюда относятся и Факидов, и Алимка, и Эмир Усеин, и Мустафа Абдулла. Пусть последний здесь кажется не столь опасным, но он значительно опаснее многих из них, ибо он значительно скрытнее, значительно хитрее, против него гораздо труднее бороться, чем против Алимки и Факидова.

Вопрос об амнистии. В. Ибраимов ездил голосовать за амнистию, думая, что она будет обращена и на него. Мы должны здесь прямо сказать, что к злостному контр-революционеру, человеку, который заслуживает расстрела, амнистия не может быть применена. Равным образом, я думаю, нельзя применять амнистию к остальным.

Меры социальной защиты для остальных. Я выделяю здесь группу из четырех человек: Аппаз Гжик, Чолбаш, Шпан Садык и Меджитов Сеит Амет,—люди, связанные с белобандитами. Это увеличивает, это усиливает их социальную опасность. К ним должна быть применена длительная изоляция,—не менее 5 лет.

Шевкет Мустафа и Абляким Аппазов совершили преступление; связь в прошлом не установлена. Я предложил бы 59 п. 3. Минимум, что можно требовать по этой статье, это — три года изоляции.

Дальше идут два: Кулянэ и Аджи Абдулла. По-моему, Кулянэ принес суду всю свою искренность, ничего решительно не отрицал. Нужна ли его изоляция? Мне кажется, что это не нужно и что это не будет противоречить общественному настроению, если я буду просить Верховный суд дать ему условно три года. Относительно Абдуллы у меня была такая же мысль. Я думаю, что и по отношению к Абдулле можно согласиться с условным осуждением, если принять во внимание, что мы выявили его значительную болезненность.

Меджитов Мустафа, Сейдали Мемет, Осман Курт Сеит, как я говорил, невиновны и от их обвинения я отказываюсь. Я обсуждал вопрос о постановлении суда относительно мер социальной защиты, я не мог отрешиться от тех десятков заявлений, которые поступали и в суд и ко мне лично. Наш суд не имеет права и не должен делать из себя Фемиду с завязанными глазами, держащую весы. Это дело буржуазного суда, который под видом беспристрастности творит самый жестокий суд над классовыми врагами. Мы должны прямо сказать, что когда идет речь о мерах социальной защиты, то для нас должно быть не безразлично то, что говорит масса. После тех речей, которые произносились здесь трудящимися, мне казалось, что наши речи совершенно не нужны, что они достаточно их обвинили. У меня в руках были десятки постановлений, писем возмущенных трудящихся, где говорилось, что они не представляют себе, как эти люди могут избежать строжайшего наказания. Я считал, что не имею право отмахиваться от этих постановлений, ибо это значит, что я, человек, принадлежащий к партии, работающий постоянно с массой, отмахиваюсь от этого вопроса, отмежевываюсь от масс. Мне кажется, что мы должны свое заключение строить не только на материалах следственного производства, но и с учетом того существенного настроения, которое нас никогда не обманывает и которое сейчас переживает Крымская республика. На этом, казалось бы, я мог закончить и сказать только, как принято, в заключение два—три слова. В апреле 1925 года тов. Сольц был докладчиком о революционной законности. Центральный Комитет нашей партии заострил этот вопрос, он заострил этот вопрос и поставил во всю широту перед партийными и советскими организациями задачу — бороться всеми мерами против нарушителей революционной законности. Крюкотворцы, чиновники, канцеляристы, протирающие брюки в течение многих лет, могут толковать это постановление, как повседневную борьбу с жуликами и ворами; политические же деятели должны это постановление толковать, как такое положение, какое мы имеем сейчас. Мы должны сказать крымским рабочим и крестьянам, что никакая иерархическая ступенька, никакое кресло, хотя бы председателя ЦИК'а, не охраняет от жесточайшей кары, если ими будет совершено преступление. Этот процесс имеет по-моему особенное значение. Он должен показать здешним

трудящимся, что человек, которого избрали на самую высшую ступень, теми же, кто возвел его на эту ступень, сброшен вниз. Приговор суда должен показать, что мы постоянно и неуклонно будем вести эту борьбу, борьбу за революционную законность в нашей республике.

С такими свидетелями, которые одним боком коснулись скамьи подсудимых, мы поведем беспощадную борьбу, и местные руководящие органы должны со всей строгостью продолжать эту борьбу в дальнейшей работе. Мы также должны сказать трудящимся, что, когда у нас в аппарате имеются изъяны и дефекты, мы — Советская власть — отвечаем за это. Но мы должны сказать, что мы не можем иметь идеального аппарата и изжить все дефекты до тех пор, пока каждый бедняк, каждый трудящийся рабочий и крестьянин не перестанет бояться кого бы то ни было. Нужно всегда помнить: республика рабочих и крестьян может преодолеть трудности лишь при содействии самих масс. Это вывод из настоящего процесса.

П р и г о в о р

Именем Российской Социалистической Федеративной Советской Республики 1928 года, г. Симферополь, апреля 28 дня, выездная сессия Верховного суда Рос. Социалистической Федер. Советской Республики по Уголовно-Судебному Отделу в составе: председательствующего т. А. Сольц, заседателей т.т. Измайлова Османа и Кудрявцева Дмитрия, секретаря т. Примакова, рассмотрев в открытом Судебном Заседании дело по обвинению:

1. Ибраимова Вели, 40 лет, с 1906 года служившего в кофейне, образования низшего, бывшего члена ВКП(б) с 1918 года, бывшего члена ВЦИК и кандидата в члены Совета Национальностей СССР, бывшего Председателя ЦИК Крымской Автономной Социалистической Советской Республики, по ст. 58⁸, 59³ и 2 ч. 116 УК.

2. Факидова Афуз Мухтара, 35 лет, из крестьян, по профессии моряка, образования низшего, беспартийного, по ст.ст. 17 и 58⁸ УК.

3. Абдуллы Исмаила (Алимка), 45 лет, торговца-мясника малограмотного, беспартийного, по ст.ст. 17 и 58⁸ УК. 4. Шпан Садыка Мустафы, 34 лет, из крестьян, плантатора, малограмотного, беспартийного. 5. Аджи-Эмир Усеина, 32 лет, из крестьян, образования низшего, беспартийного, зажиточного. 6. Меджитова Сеит Амета, 32 лет, из крестьян, винодела, неграмотного, беспартийного. 7. Чолбаша Сулеймана, 35 лет, малограмотного, из крестьян, по профессии шорника, беспартийного, всех поименованных последних 4-х по ст.ст. 17, 136 и 59³ УК.

8. Меджитова Мустафа, 42 лет, из крестьян, малограмотного, беспартийного. 9. Сейдали Мемета (Чикчи), 37 лет, из крестьян, неграмотного, беспартийного. 10. Османа Курт Сеита, 20 лет, из крестьян, неграмотного, беспартийного, по ст. ст. 17 и 59³ УК.

11. Усеинова Аппаза (Гжик), 39 лет, бывшего заведующего постоянным двором Ялтинского Дома Крестьянина, малограмотного, беспартийного, по профессии извозчика, и вышеуказанного Чолбаша по ст. 58¹² УК.

12. Мустафы Абдуллы, 34 лет, образования низшего, из крестьян, бывшего члена ВКП(б) с 1921 года, бывшего заместителя председателя КрымЦИК'а, бывшего ответственного секретаря КОППР'а, по ст.ст. 17, 59³ и 2 части 116 УК.

13. Кулянэ Эдем Эмир Асана, 24 лет, из крестьян, беспартийного, учителя татарской 9-тилетки и студента Педагогического Института. 14. Мустафы Шевкета, 27 лет, низшего образования, из крестьян, бывшего кандидата ВКП(б), бывшего заведующего Центральным Домом Крестьянина в Симферополе. 15. Аджи Абдуллы Мемет, 31 года, бывшего приказчика, грамотного, беспартийного, турецкого подданного. 16. Аппазова Аблякима, 40 лет, малограмотного, беспартийного, рабочего плантатора, по ст.ст. 17 и 59^а УК.

Заслушав объяснения подсудимых и показания свидетелей, выслушав стороны и последние слова обвиняемых, ознакомившись с материалами, считает установленным:

Вели Ибраимов, связанный в прошлом во время гражданской войны с темными преступными антисоветскими и контр-революционными элементами, с момента вступления в коммунистическую партию и постепенного занятия целого ряда ответственных и руководящих советских должностей, не только не порвал с этим прошлым, но находился в постоянной связи с этими элементами и, пользуясь своим служебным положением, ставил их на ответственные посты (чрезвычайные тройки, приемная КрымЦИК'а и др.), где они имели возможность как продолжать свою преступную и контр-революционную деятельность, так и подрывать этой деятельностью авторитет Советской власти.

Когда в связи с делом Муслумовых стали появляться живые свидетели (Чолак, Сейдаметов), избличавшие связанных с Ибраимовым преступников (братьев Муслумовых, Хайсерова и др.) и стали носиться упорные слухи о причастности к их преступлениям самого Ибраимова, последний решил одним ударом положить конец этим слухам, организовав расправу над осмелившимися выступить с избличением против находившихся под его покровительством лиц и желая этим самым отбить в дальнейшем охоту у кого бы то ни было поднять завесу как над темным прошлым Ибраимова и его сторонников, так и над его настоящими преступлениями. С этой целью Ибраимов поручает Чолбашу передать Гжику о необходимости уничтожить Сейдаметова. Чолбаш это поручение выполняет. Но Гжик медлит и за дело берется Хайсеров. При содействии и участии Эмир Усеина, Ахтема, Садыка и Меджитова Сеит Амета, при чем роль каждого из них в точности не выяснена, Хайсеров 29 мая 1927 года по дороге из Ялты в деревню Дереккой подстерег Сейдаметова и несколько раз выстрелил в него, но привести в исполнение задуманного убийства не успел. Вследствие поднятого сопровождавшим Сейдаметова мальчиком шума, злоумышленники вынуждены были скрыться. Прятались они в лесу, где к ним еще пристали Меджитов Мустафа, Сейдали Мемет и Осман Курт Сеит, которых преступники насильственно и обманным образом задерживали из опасения, чтобы те их не выдали.

А через некоторое время, 12 июля, за уничтожение второго свидетеля их контр-революционных подвигов—Чолака Ибраима—берется сам Ибраимов Вели. Воспользовавшись тем, что Чолак обратился

к нему с просьбой, он зовет его к себе и с помощью скрывавшегося у него от органов следствия Факидова убивает Чолака, завертывает его в войлок и в одеяло Факидова и отправляется в Дом Крестьянина добывать подводу у Чолбаша. Но Чолбаша нет, он там встречает Алимку и просит его дать подводу. Алимка соглашается и подъезжает к дому Ибраимова. Последний выносит труп Чолака. Оттуда Ибраимов и Алимка заезжают за Факидовым, который успел уже перебраться из квартиры Ибраимова, и тут под наблюдением и руководством Ибраимова Вели Алимка и Факидов отвозят труп за город, на свалку, где слегка закапывают в землю. Суд считает необходимым указать, что за несколько дней до убийства Чолака Ибраимов угостил у себя обедом Факидоза и Алимку.

Покончив с Чолаком, Ибраимов Вели возвращается к своим заботам о скрывающихся соучастниках по делу Сейдаметова. Мысль о них его беспокоит, ведь они действовали по непосредственному его поручению, его подгоняют и их настойчивые требования о том, чтобы он их выручил, требования, подкрепляемые вполне естественным опасением, что в противном случае они его могут изобличить, как организатора нападения на Сейдаметова (ведь контр-революционер и бандит Хайсеров был известен, по признанию самого Ибраимова, как ближайший друг и „любимый сын“ Вели, которому последний не постеснялся подарить маузер с золотой монограммой от председателя КрымЦИК'а Вели Ибраимова). К нему с требованием денег и организации помощи от скрывающихся бандитов является два раза Ахтем Софу и последнему вручаются и деньги и неизвестно в каком количестве оружие. Сначала Вели сам верит и обнадеживает их, что ему удастся через амнистию ликвидировать их преступления. Когда это ему не удастся, он решает во что бы то ни стало скрыть их в укромное местечко в пределах СССР или за границу. С целью организации такого побега их решено предварительно всех (Хайсеров, Усеина, Садыка, Ахтема и Меджитова Сеит Амета) вернуть в Симферополь. Трех случайно приставших к беглецам (Меджитов Мустафа, Сейдали Мемет и Осман Курт Сеит) можно будет разместить по разным другим местам. В первую очередь организуется переезд Хайсеров, которого Вели скрывает у себя на квартире. Два раза он лично за ним едет в автомобиле КрымЦИК'а. Первый раз, по нераспорядительности Кулянэ, Хайсеров не встретили. Второй раз встреча была удачна и Хайсеров целых полтора месяца прожил у Вели. Содействие в перевозке как Хайсеров, так и других (Ахтема, Садыка, Меджитова Сеит Амета и Усеина) оказывали Алимка, Кулянэ и Аппазов Абляким. Начинаются длительные, довольно многочисленные и частые совещания, как и куда сбыть скрывающихся. Ибраимов сам два раза стоваривается с яличником Кадыром, которого он вызывает через Абдулла, о возможности перевезти Хайсеров в Турцию, разговор ведется в присутствии Факидова и Шевкета, но яличник отказывается. Тогда Ибраимов решает взять с собой Хайсеров в свой вагон при поездке на сессию ЦИК'а СССР, но поездка в этом же вагоне т. Гуляева растра-

ивает этот план. По отъезде Вели, главная роль по отправке бандитов переходит к Мустафе Абдулла, которому из перечисленных обвиняемых деятельно помогает Алимка. Все попытки выпроводить Хайсерова из дома Вели Ибраимова и из Крыма на лошадях или в автомобиле КрымЦИК'а не удаются и приходится ждать приезда Вели с сессии. О том, что в доме Вели скрывается Хайсеров, становится известно все большему и большему количеству людей, не сомневается в этом даже бывший Наркомюст Ногаев, но никто не решается и не хочет об этом открыто заявлять. А пока Мустафа Абдулла организует отправку Шпана Садыка, Меджитова Сеита, Эмир Усеина и Ахтема Софу. В качестве проводника с ними едет Абдулла, знавший город Гори на Кавказе, где он должен был помочь им устроиться. При аресте Шпана Садыка и Меджитова Сеит Амета первого октября 1927 года на ст. Синельниково у них были обнаружены значительные средства, золотые монеты и турецкие лиры. Через несколько дней в г. Гори были арестованы Эмир Усеин и Абдулла, как об этом предупредили Шпан Садык и Меджитов, заранее арестованные в Синельниково. За ними проследить, насколько благополучно кончилась их поездка, выезжал на Кавказ Мустафа Абдулла, но, заподозрив неудачу, вернулся обратно. Мустафа всех скрывавшихся все время снабжал деньгами; дал, например, Эмиру Усеину и Ахтему по 500 руб., а Абдулле 50 руб., Ахтем Софу вернулся и впоследствии был убит. По приезде Ибраимова, в середине октября Хайсеров, снабженный, по предложению Ибраимова, документами через Мустафу Шевкета, заведующего Домом Крестьянина, под руку с женой Ибраимова вышел из дома Ибраимова, а последний в сопровождении волкодава в отдалении сопровождал их. Хайсеров сел на линейку и скрылся.

Но на все эти дела и на личные расходы, а также на поддержку окружавших Ибраимова преступных элементов нужны были деньги, и одним из источников извлечения средств, который удалось выяснить за 1927 год, являются средства крымского общества помощи переселенцам и расселенцам, так называемого КОППР'а.

Из этого КОППР'а Ибраимов и Мустафа черпали деньги, как из своего кармана, на свои надобности и нужды своих преступных сообщников, не останавливаясь ни перед подлогами, ни перед ложными записями. Вместо 14.000 руб., исправив по указанию Мустафы Абдуллы, ответственного секретаря КОППР'а, „0“ на „Р.“, записывалось 1.400 руб., не имевшие места взносы вносились в запись, как фактические взносы. Таких денег набралось свыше 37.000 руб. Небольшие деньги черпались и из кассы Дома Крестьянина, откуда заведующий Шевкет выдавал их по велению Ибраимова, который, между прочим, распорядился отпустить двух лошадей: одну—Алимке, а другую—Шевкету, без какой-либо с их стороны уплаты, так сказать, на мелок. Из КОППР'овских же вышеуказанных средств были выданы определенные суммы заимообразно, как объяснял Ибраимов, разным ответственным работникам, а 5.000 р. даже на уплату векселя спекулянта-торговца Али Мулаева. Из операций КОППР'а следует отметить

лимонную операцию, как преступную в самом своем зародыше. „Крымскому обществу помощи переселенцам и расселенцам“ разрешается на льготных условиях лицензия на покупку и продажу лимонов. Общественная организация втягивается в неизвестное ему коммерческое дело и по существу торгует лишь полученным им разрешением, неся в то же время массу накладных расходов.

На основании всего вышеизложенного изобличаются:

1. Вели Ибраимов в том, что он организовал и сам руководил убийством революционера-партизана гражданской войны Чолака Ибраима, а также организовал покушение на убийство активиста бедняка Сейдаметова, что предусматривается статьей 58⁸ УК, что в сообществе или при содействии Шпана Садыка, Эмира Усеина, Факидова, Алимки, Меджитова Сеит Амета, Чолбаша, Мустафы Абдуллы, Хайсерова, Ахтема Софу, Кулянэ, Мустафы Шевкет, Аблякима Аппазова и Абдулла, организовал как покушение на убийство, так и принимал всяческие меры для сокрытия этого, что предусматривается 59³ УК, и что растратил, совместно с Мустафой Абдулла, из находившихся в их распоряжении сумм по КОППР'у более 37.000 руб., а также распорядился выдать двух лошадей и незначительные суммы из кассы Дома Крестьянина, что предусмотрено 116 ч. 2 УК.

2. Факидов в том, что принимал участие в убийстве Чолака, в содействии сокрытию участников покушения на Сейдаметова, что предусматривается ст.ст. 17, 58⁸ и 59³ УК. 3. Алимка в том, что непосредственно участвовал в сокрытии убийства Чолака и в содействии сокрытию участников покушения на убийство, что предусматривается ст.ст. 17, 58⁸ и 59³ УК. 4. Шпана Садык. 5. Эмир Усеин. 6. Меджитов Сеит Амет в том, что они участвовали или оказывали содействие покушению на Сейдаметова, что предусматривается через 17 ст.ст. 59³ УК. 7. Чолбаш в том, что он участвовал или оказывал содействие покушению на Сейдаметова, получил поручение Гжику о необходимости убить Сейдаметова и не сообщил об этом, что предусматривается ст.ст. 17, 59³ и 58¹² УК. 8. Гжик в том, что, получив поручение убить Сейдаметова, не сообщил об этом, что предусматривается ст. 58¹² УК. 9. Мустафа Абдулла в том, что, совместно с Вели Ибраимовым, растратил более 37.000 р. и оказывал активное содействие в сокрытии участников в покушении на Сейдаметова, что предусматривается ст.ст. 17, 59³ и 2 ч. 116 УК. 10. Кулянэ. 11. Мустафа Шевкет. 12. Абляким Аппазов и 13. Абдулла в том, что оказывали содействие в сокрытии участников покушения на Сейдаметова, что предусматривается ст.ст. 17 и 59³ УК.

Руководствуясь вышеуказанными статьями Уголовного Кодекса, по которым вышеуказанные обвиняемые изобличаются, и считаясь со степенью вины каждого из них в совершенном ими преступлении, Верховный Суд **приговорил:**

1. Вели Ибраимова по ст.ст. 58⁸ 59³ и 2 ч. 116 УК. и 2. Мустафа Абдулла по ст.ст. 59³ и 2 ч. 116 УК, как бывших членов партии, стоявших на ответственных постах, преступления которых

самым фактом своего проявления подрывали власть рабочих и крестьян и доверие к ней, тем более, что преступления эти происходили в обществе с целым рядом других лиц, которые вызывались сами на преступления только благодаря участию в них таких ответственных и руководящих работников, и исходя из пунктов 9 и 10 Манифеста Центрального Исполнительного Комитета СССР—к высшей мере социальной защиты—расстрелу.

3. Факидова Афуза Мухтара и 4. Абибуллу Исмаила (Алимку) по ст.ст. 17, 58¹ и 59³, принимая во внимание, что в это преступление их втянул ответственнейший представитель Советской власти,—к 10 годам лишения свободы со строгой изоляцией.

5. Эмир Усеина по ст.ст. 17 и 59³ УК—к 10 годам лишения свободы со строгой изоляцией.

6. Шпана Садыка и 7. Чолбаша Сулеймана, первого по ст.ст. 17, 59³ и 58¹²—к 5 годам лишения свободы со строгой изоляцией и высылке в Соловки на три года по отбытии основной меры социальной защиты.

8. Меджитова Сеит Амета по ст.ст. 17 и 59³ УК—к трем годам лишения свободы со строгой изоляцией.

9. Усеинова Аппаза (Гжик) по ст. 58¹² УК—к пяти годам лишения свободы со строгой изоляцией и высылкой в Соловки на три года по отбытии основной меры социальной защиты.

10. Аппазова Аблякима по ст.ст. 17 и 59³—к трем годам лишения свободы со строгой изоляцией.

11. Мустафу Шевкета по ст. 17, 59³ УК,—принимая во внимание службу в Красной армии и то, что совершенные им преступления имели в значительной мере своим источником разлагающее влияние Вели Ибраимова,—к одному году меры социальной защиты.

12. Кулянэ Эдема и Аджи Абдуллу (Абдулля) по ст.ст. 17, 59³ УК, принимая во внимание их незначительное участие в совершенных сообща с другими преступлениях и имея в виду боязнь невыполнения велений Ибраимова,—к трем годам лишения свободы условно.

Меджитова Мустафу, Сейдали Мемета (Чикчи) и Осман Курт Сеита, за недоказанностью предъявленных им обвинений, считать оправданными по суду.

По отношению ко всем, кроме первых двух, зачесть время предварительного заключения. Ко всем, кроме первых двух, применить амнистию 10-й годовщины, а потому Шевкета Мустафу из под стражи освободить.

Ходатайство В. Ибраимова и Мустафы о помиловании отклонено

Приговор приведен в исполнение.

Президиум ВЦИК отклонил ходатайство о помиловании Вели Ибраимова и Мустафы и оставил в силе приговор выездной сессии Верховного суда, по которому Ибраимов и Мустафа приговорены к высшей мере социальной защиты—расстрелу.

В ночь на 9-е мая приговор над Вели Ибраимовым и Мустафой Абдуллой приведен в исполнение.